

ЭДГАРЪ ПО

Разказы.

№ 654

ЭДГАРЪ ПО

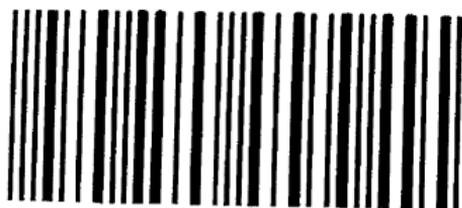
ИЗБРАННЫЕ
РАЗСКАЗЫ

Издание журнала „ПРОВОЖДЕНИЕ“.
1912

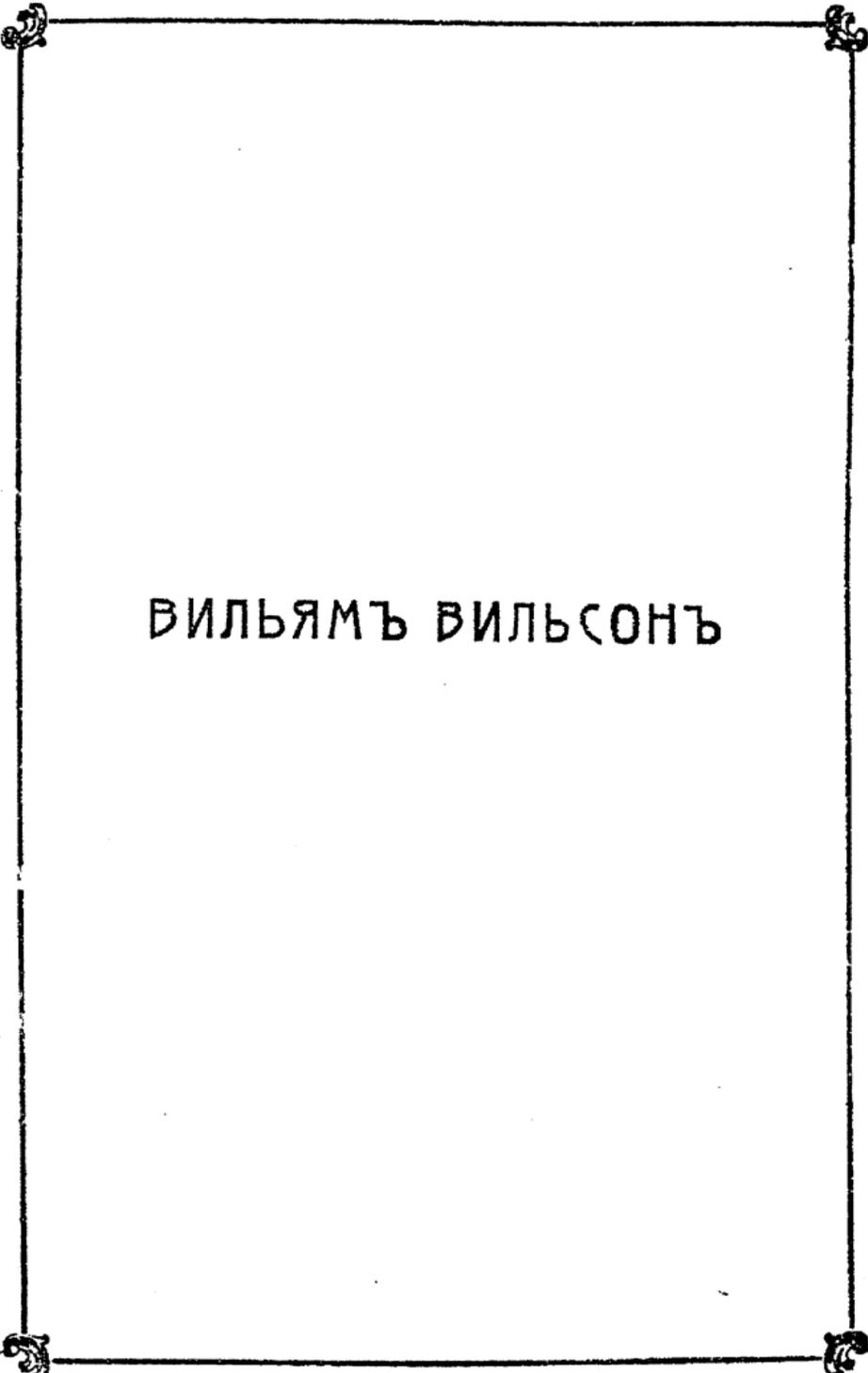
МОСКОВСКИЙ ПУБЛИЧНЫЙ

XII-39090

2007112504

Типогр. Слб. Т-ва „Трудъ“. Кавалергардская, 40.

ВИЛЬЯМЪ ВИЛЬСОНЪ

Что она скажетъ? Что скажетъ эта ужасная совѣсть,—этотъ призракъ идущій по моимъ пятамъ.

Chamberlayne—Pharronida.

Позвольте мнѣ называться Вильямомъ Вильсономъ. Лежащая передо мной чистая и непорочной бѣлизны страница не должна быть замарана моимъ настоящимъ именемъ. Это имя слишкомъ часто было предметомъ презрѣнія, ужаса и отвращенія для моего семейства. Развѣ возмущенныя стихіи не прогремѣли до самыхъ отдаленныхъ уголковъ земного шара его изъ ряду вонъ выходящій позоръ? О, самый отверженный изъ всѣхъ изгнанниковъ! Ты умерь для этого міра навсегда,—для тебя погибла навсегда надежда на земныя почести, золотыя мечты и цвѣты славы:—и густая, черная, безграничная туча отчаянія вѣчно будетъ омрачать твои надежды...

Мнѣ не хотѣлось бы, если бы я даже могъ это сдѣлать, вспоминать на этихъ страницахъ о послѣднихъ годахъ моего полного паденія и несмываемыхъ преступленій. Въ этомъ недавнемъ періодѣ моей жизни моя порочность и низость достигли крайнихъ предѣловъ, но здѣсь мнѣ хотѣлось бы только опредѣлить начало ихъ зарожденія—и это единственная цѣль моей исповѣди. Вообще люди опускаются постепенно. Что касается меня, то покрывало добродѣтели сразу слетѣло съ меня. Не отличаясь особою порочностью я, идя гигантскими шагами, достигъ геліогабаловскихъ ужасовъ преступленія. Позвольте же мнѣ рассказать подробно, какой случай, какое обстоятельство навлекло на меня это проклятіе. Смерть близка, и ея дуновеніе производитъ на мое сердце смягчающее вліяніе. Пересѣкая мрачную долину жизни, я жажду сочувствія—т. е. я хотѣлъ сказать, состраданія моихъ ближнихъ. Мнѣ хотѣлось бы до нѣкоторой степени убѣдить ихъ, что я былъ рабомъ обстоятельствъ, ускользающихъ отъ человѣческаго контроля. Я бы хотѣлъ, чтобы имъ удалось найти въ приводимомъ мною ниже подробномъ отчетѣ моей жизни хоть маленькій оазисъ „фатализма“ въ Сахарѣ заблужденій. Я

хотѣлъ бы, чтобы они признали—а они не могутъ отказать мнѣ въ этомъ признаніи,—что хотя человѣчество и бывало подвержено страшнымъ искушеніямъ,—но никогда никто не былъ искушаемъ до такой степени, и поэтому не доходилъ до такого паденія. Я думаю, что врядъ ли кто-либо можетъ представить себѣ мои страданія, такъ непохожія на страданія другихъ людей. Но можетъ-быть это была только моя фантазія? Развѣ я не умираю жертвой ужаса и самой загадочной тайны видѣній?

Я потомокъ рода, отличавшагося во всѣ времена легко возбудимымъ темпераментомъ, соединеннымъ съ богатымъ воображеніемъ; и мое раннее дѣтство доказало, что я въ полной мѣрѣ унаслѣдовалъ черты фамильнаго характера. По мѣрѣ того, какъ я росъ, мой характеръ обрисовывался все яснѣе и яснѣе и сталъ, по многимъ основаніямъ, причиной серьезнаго безпокойства для моихъ друзей, и положительнаго предубѣжденія для меня самого. Я сдѣлался своевольнымъ, склоннымъ къ самымъ страннымъ причудамъ и сталъ жертвой самыхъ непреоборимыхъ страстей. Родители мои были слабовольны, сами страдали отъ такихъ же недостатковъ и потому не могли оказать надлежащаго

вліянiя, чтобы задержать развитіе моихъ дурныхъ наклонностей. Правда, съ ихъ стороны было сдѣлано нѣсколько слабыхъ, плохо направленныхъ попытокъ въ этомъ отношеніи, которыя окончились для нихъ неудачей, а для меня полнымъ торжествомъ. Начиная съ этого момента, мой голосъ сталъ въ домѣ закономъ; и въ томъ возрастѣ, когда мои сверстники ходятъ еще на помочахъ, мнѣ была предоставлена полная свобода дѣйствій, и я сталъ господиномъ своихъ поступковъ. Мои первыя школьныя впечатлѣнiя связаны съ воспоминаніемъ объ обширномъ и причудливомъ домѣ въ стилѣ Елизаветы, находившемся въ мрачномъ англійскомъ мѣстечкѣ, которое славилось своими гигантскими узловатыми деревьями и необыкновенно старинными постройками. И въ самомъ дѣлѣ, это достопочтенное мѣстечко обладало всѣми данными для того, чтобы казаться фантастическимъ. Я какъ сейчасъ могу представить себѣ освѣжительный холодокъ его тѣнистыхъ аллей, ароматъ его рощицъ, и до сихъ поръ сладостный трепетъ охватываетъ меня, когда я вспоминаю глубокой звукъ колокола, всякій часъ врывающагося своимъ страннымъ, металлическимъ мрачнымъ гуломъ въ тишину сѣроватыхъ

сумерекъ, обволакивающихъ зубцы готической колокольни. Въ настоящее время, это перебирание въ памяти мельчайшихъ школьныхъ воспоминаній и мечтаній доставляетъ мнѣ удовольствіе, если возможно говорить объ удовольствіи въ моемъ положеніи. Для меня, придавленнаго несчастьемъ—увы не фантастическимъ, а слишкомъ реальнымъ—извинительны поиски какого-нибудь хотя бы мимолетнаго утѣшенія въ этихъ ребяческихъ и несущественныхъ подробностяхъ. Кромѣ того, хотя они очень обыденны и можетъ быть сами по себѣ смѣшны, они приобрѣтаютъ въ моей фантазіи особое значеніе, вслѣдствіе ихъ связи съ тѣмъ мѣстомъ и съ той эпохой, въ которой я теперь различаю первыя предупрежденія судьбы, съ тѣхъ поръ все больше и больше захватывавшей меня своими когтями. Позвольте же мнѣ подольше остановиться на этихъ воспоминаніяхъ.

Какъ я уже сказалъ, домъ былъ старъ и неправильной формы. Его окружалъ большой пустырь, обведенный высокой и прочной кирпичной стѣной, съ слоемъ известки и битого стекла наверху. Эта ограда, сдѣлавшая бы честь и тюрьмѣ, была границей нашихъ владѣній; наши взгляды проникали за предѣлы ея только

три раза въ недѣлю,—одинъ разъ въ субботу послѣ полудня, когда намъ позволялась небольшая общая прогулка, и два раза въ воскресенье, когда мы, вытянувшись стройными рядами, какъ войско на парадѣ, шли въ единственную церковь мѣстечка на утреннюю и вечернюю службу. Директоръ нашего училища былъ пасторомъ этой церкви. Съ какимъ восхищеніемъ и недоумѣніемъ смотрѣлъ я, обыкновенно, съ нашей отдаленной скамьи, какъ онъ медленно и торжественно всходилъ на кафедру! Неужели этотъ почтенный проповѣдникъ, съ такимъ скромнымъ и добродушнымъ выраженіемъ лица, въ развѣвающимся, блестящемъ новизною духовномъ одѣяніи, въ тщательно напудренномъ парикѣ, былъ тѣмъ самымъ чеповѣкомъ, который только-что съ суровымъ выраженіемъ лица, въ платьѣ съ пятнами отъ табака, съ линейкой въ рукѣ приводилъ въ исполненіе драконовскіе законы школы? О! этотъ парадоксъ настолько чудовищень, что исключаетъ всякую возможность его рѣшенія!

Въ одномъ изъ угловъ массивной стѣны скрывалась еще болѣе массивная дверь съ желѣзными засовами, заканчивающаяся наверху рядомъ желѣзныхъ зубцовъ. Она внушала намъ такой страхъ!

Она открывалась только для трехъ периодическихъ выходовъ и возвращеній, о которыхъ я уже говорилъ; и тогда во всякомъ скрипѣ ея крѣпкихъ петлей намъ чудилось что-то таинственное, вызывающее цѣлый міръ серьезныхъ наблюденій и размышленій. Большой пустырь неправильной формы былъ раздѣленъ на нѣсколько частей, изъ которыхъ три, или четыре самыхъ большихъ образовывали рекреационный дворъ. Онъ былъ утрамбованъ и посыпанъ грубымъ пескомъ. Насколько я помню, на немъ не было ни скамей, ни деревьевъ, и само собой разумѣется, онъ былъ расположенъ позади дома. Передъ фасадомъ находился небольшой цвѣтникъ, обсаженный буксомъ и другими кустарниками, но намъ приходилось проходить черезъ этотъ священный оазисъ только въ очень рѣдкихъ случаяхъ, при поступленіи въ школу или уходя изъ нея, когда по зову кого-нибудь изъ нашихъ друзей или родственниковъ мы весело отправлялись въ путь къ родительскому очагу на рождественскія или пасхальныя вакаціи.

А самый домъ—какая это была удивительно старая постройка! Для меня онъ представлялся настоящимъ заколдованнымъ дворцомъ. Какое множество въ

немъ всевозможныхъ закоулковъ, клѣтушекъ, поворотовъ. Очень трудно было сказать съ увѣренностью, находишься ли въ первомъ, или во второмъ этажѣ. Для того, чтобы пройти изъ одной комнаты въ другую, нужно было всегда подняться или спуститься по двумъ-тремъ ступенькамъ.

Кромѣ того, онъ до того изобиловалъ совершенно непонятными архитектурными капризами, что наши самые сравнительно точныя представленія относительно общаго плана строения были очень смутны. Впродолженіе пяти лѣтъ моего пребыванія въ школѣ, я никогда не могъ съ точностью опредѣлить, въ какомъ мѣстѣ зданія была расположена маленькая спальня гдѣ я помѣщался вмѣстѣ съ восемнадцатю или двадцатю другими учениками.

Классная была самой большой комнатой въ домѣ—и какъ мнѣ казалось, даже въ цѣломъ свѣтѣ, по крайней мѣрѣ, я не могъ себѣ иначе представить ее.

Она была очень длинна, очень узка и низка, съ стрѣльчатыми окнами и дубовымъ потолкомъ. Въ отдаленномъ углу, бывшемъ для насъ источникомъ ужаса, помѣщалась четырехугольная ограда въ восемь или десять футовъ, представляв-

шая собою sanctum нашего принципала доктора богословія Брансби, во время классныхъ занятій. Она была выстроена очень прочно и въ нее вела массивная дверь; мы скорѣе согласились бы умереть, чѣмъ открыть ее въ отсутствіе do-
mini. Въ двухъ другихъ углахъ находились подобныя же помѣщенія, хотя и не внушавшія намъ такого же благоговѣнія, но тѣмъ не менѣе наводившія на насъ страхъ; одно изъ нихъ было каеедрой учителя словесности, другое—каеедрой учителя англійскаго языка и математики. По всей залѣ были разсѣяны многочисленныя скамьи и пюпитры, заваленныя книгами съ грязными слѣдами пальцевъ; они шли неправильными рядами, которые перекрещивались во всѣхъ направленіяхъ;—всѣ они были выкрашены въ черную краску, но до такой степени потерты отъ времени, до такой степени изрѣзаны и испещрены заглавными буквами, цѣлыми именами, карикатурами и другими произведеніями перочиннаго ножа, что совершенно потеряли свою прежнюю форму. Въ одномъ концѣ залы стояла огромная бочка съ водой, а въ другомъ—возвышались стѣнные часы солидныхъ размѣровъ.

Находясь въ заключеніи за крѣпкими

стѣнами этого почтеннаго учебнаго заведенія, я проводилъ въ немъ годы третьяго пятилѣтія моей жизни безъ особаго отвращенія и скуки.

Для того, чтобы занять, или заинтересовать воспримчивый мозгъ ребенка, вовсе не нужно богатства впечатлѣній внѣшняго міра, и кажущееся мрачное однообразіе школы давало матеріаль для такихъ сильныхъ возбужденій, которыхъ я не могъ найти впоследствии ни въ развратѣ моего юншества, ни въ преступленіяхъ зрѣлаго возраста. Во всякомъ случаѣ, мнѣ кажется, что мои первые шаги интеллектуальнаго развитія были неправильны и неуравновѣшены.

Вообще говоря, отъ воспоминаній дѣтства у зрѣлаго человѣка не остается никакого строго опредѣленнаго впечатлѣнія. Все представляется какъ бы въ туманѣ—сохраняются лишь слабыя и неясныя воспоминанія о маленькихъ удовольствіяхъ и фантазмагорическихъ страданіяхъ. Со мною было наоборотъ. Въ моемъ дѣтствѣ я воспринималъ уже съ энергіей зрѣлаго человѣка все то, что и теперь еще прочно и отчетливо запечатлѣно въ моей памяти.

А между тѣмъ въ дѣйствительности, съ обыкновенной житейской точки зрѣ-

нія—какъ мало было во всемъ этомъ матеріала для воспоминаній!

Пробужденіе утромъ, приказаніе вечеромъ ложиться спать, приготовленіе уроковъ, отвѣты, періодическіе отпуска на прогулку, ссоры, забавы и интриги во время рекреаций на дворѣ,—все это, исчезнувшее изъ памяти, какъ бы по мановенію волшебнаго жезла, заключало въ себѣ такое изобиліе воспріятій, можно сказать цѣлый міръ разнообразныхъ впечатлѣній и самыхъ упоительныхъ и полныхъ страсти ощущеній.

Oh! le bon temps que ce siècle de fer!

Моя пылкая, властная, полная энтузіазма натура не могла не выдвинуть меня изъ среды моихъ товарищей и мало-помалу совершенно естественно создала мнѣ первенствующее положеніе между всѣми моими сверстниками, за исключеніемъ одного.

Этотъ ученикъ хотя и не былъ моимъ родственникомъ, но назывался такъ же, какъ и я:—въ этомъ обстоятельстве на первый взглядъ не было ничего удивительнаго—такъ какъ мое имя, несмотря на аристократичность моего происхожденія, было однимъ изъ тѣхъ обыденныхъ именъ, которыя съ незапамятныхъ временъ, по праву давности, считались при-

надлежностью толпы. Въ этомъ разказѣ я присвоилъ себѣ имя Вильяма Вильсона—и это вымышленное названіе очень схоже съ моимъ настоящимъ именемъ. Ученикъ, называвшійся такимъ же именемъ, одинъ изъ всего нашего класса, рѣшался соперничать со мной, какъ въ успѣхахъ по ученію, такъ и въ играхъ и спорахъ во время рекреациі, отказывался слѣпо принимать на вѣру утвержденія и не выказывалъ полного подчиненія моей волѣ; однимъ словомъ обнаруживалъ противодѣйствіе моей диктатурѣ во всевозможныхъ случаяхъ. Едва-ли можно найти гдѣ-либо такой неограниченный деспотизмъ, какой наблюдается у выдающагося по способностямъ ребенка надъ его менѣе одаренными товарищами.

Протестъ Вильсона былъ для меня источникомъ большихъ затрудненій, тѣмъ болѣе, что, несмотря на то, что я считалъ своей обязанностью публично посмѣиваться надъ его претензіями, въ глубинѣ души я чувствовалъ, что боюсь его. Кромѣ того, я не могъ не уважать его за умѣнье поставить себя на равную непринужденную ногу со мной,—что и было доказательствомъ его настоящаго превосходства,—между тѣмъ, какъ съ моей

стороны существовало только постоянное усилие не очутиться въ подчиненномъ положеніи. А между тѣмъ только я одинъ замѣчалъ это превосходство или, вѣрнѣе, равенство; наши товарищи, вслѣдствіе какаго-то необъяснимаго ослѣпленія, даже и не подозрѣвали о чемъ-либо подобномъ. И дѣйствительно, его соперничество, его противодѣйствіе и въ особенности его вмѣшательство въ мои планы имѣло совершенно частный характеръ. У него, по видимому, совершенно отсутствовало честолюбіе, которое возбуждало во мнѣ жажду власти, и не было той страстной энергіи, которая давала мнѣ возможность ее осуществить.

Можно было думать, что въ этомъ соперничествѣ онъ руководится только однимъ страннымъ желаніемъ пойти въ разрѣзъ съ моимъ мнѣніемъ, изумить и больно задѣть меня; хотя въ нѣкоторыхъ случаяхъ я не могъ не замѣтить, съ смѣшаннымъ чувствомъ изумленія, униженія и гнѣва, что онъ примѣшивалъ къ своимъ оскорбленіямъ, дерзостямъ и противорѣчіямъ совершенно не подходящую и потому страшно неприятную для меня снисходительность и нѣжность. Я могъ объяснить такое странное поведеніе съ его стороны, только предположивъ, что

оно является результатомъ полнаго само-
довольства, позволяющаго ему усвоить
себѣ вульгарный тонъ покровительства
по отношенію ко мнѣ.

Можетъ-быть эта послѣдняя черта въ
поведеніи Вильсона въ соединеніи съ
тождествомъ нашихъ именъ и случай-
нымъ одновременнымъ поступленіемъ въ
школу—и была причиной возникновенія
въ старшихъ классахъ убѣжденія въ томъ,
что мы братья. Обыкновенно, старшіе не
особенно вникали въ дѣла учениковъ млад-
шихъ классовъ. Я уже говорилъ, или
долженъ былъ сказать, что Вильсонъ не
находился ни въ какой, даже самой
отдаленной, родственной связи съ моей
семьей. Но несомнѣнно, если бы мы бы-
ли братьями—мы бы должны были быть
близнецами; потому что, случайно уже
послѣ того, какъ я покинулъ школу док-
тора Брансби, я узналъ, что мой однофа-
милецъ родился 19 января 1813, что
представляетъ замѣчательное совпаденіе,
такъ какъ мое рожденіе приходится въ
это же число.

Можетъ показаться страннымъ, что не-
смотря на постоянную боязнь, внушаемую
мнѣ соперничествомъ Вильсона и его не-
выносимымъ духомъ противорѣчія, я все-
таки не могъ его ненавидѣть въ полной

мѣрѣ. Почти всякій день между нами происходила ссора, въ которой, уступая мнѣ публично пальму побѣды, онъ старался все-таки до нѣкоторой степени дать мнѣ почувствовать, что не я, а онъ заслужилъ ихъ; какъ бы то ни было, но съ моей стороны чувство гордости, а съ его—сознаніе собственного достоинства заставляло насъ твердо держаться опредѣленныхъ рамокъ приличія, хотя въ нашихъ характерахъ было достаточно точекъ соприкосновенія для пробужденія такого чувства, которому только принятыя нами взаимныя отношенія мѣшали перейти въ дружбу. И дѣйствительно, мнѣ очень трудно опредѣлить или описать мои настоящія чувства къ нему; они составляли очень причудливую и разнородную амальгаму—изъ враждебности, не перешедшей еще въ ненависть, изъ уваженія, почтенія, боязни и сильнаго, тревожнаго любопытства.

Совершенно излишне прибавлять, для свѣдѣнія моралиста, что мы съ Вильсономъ были неразлучными товарищами.

Безъ сомнѣнія, эта ненормальность и двуличность нашихъ отношеній и переплавляли всѣ мои многочисленныя явныя и скрытыя нападки на него въ иронию и карикатуру (шутовство тоже можетъ на-

носить тяжелыя раны), отнимая отъ нихъ характеръ настоящей опредѣленной враждебности. Но, несмотря на всѣ мои усиля, я не всегда достигалъ на этомъ поприщѣ полнаго торжества, хотя всѣ мои планы были очень остроумно задуманы, такъ какъ у моего однофамильца въ характерѣ было много той строгости, соединенной съ сдержанностью и спокойствіемъ, которая, наслаждаясь уколами своихъ шутокъ, никогда не показываетъ своей Ахиллесовой пяты и совершенно недоступна для насмѣшекъ. Я могъ найти въ немъ только одну уязвимую точку, а именно одинъ физическій недостатокъ, происходящій можетъ-быть отъ какого-нибудь конституціональнаго порока и которымъ менѣе ожесточенный противникъ никогда не сталъ бы пользоваться для своихъ цѣлей, — у моего соперника наблюдалась слабость голосового аппарата, отчего онъ могъ говорить только тихимъ шопотомъ. Я же всегда старался извлечь изъ этого недостатка возможные для меня выгоды.

Вильсонъ платилъ мнѣ тою же монетой и, кромѣ того, у него въ распоряженіи былъ особый видъ хитрости, которая ужасно раздражала меня. Какъ ему удалось догадаться, что такое незначитель-

ное обстоятельство будет бесконечно волновать меня, составляет вопросъ, который я никакъ не могъ рѣшить, но какъ только оно было имъ найдено, онъ сталъ упорно пользоваться этимъ средствомъ пытки. Я всегда питалъ отвращеніе къ моей несчастной, неизящной фамиліи и къ моему плебейскому, тривіальному имени; оно терзало мой слухъ всякій разъ, какъ меня вызывали, и когда въ первый же день моего поступленія въ школъ появился другой Вильямъ Вильсонъ, я сталъ ненавидѣть его за то, что онъ носитъ такое же имя и еще съ большимъ отвращеніемъ сталъ относиться къ нему, потому что оно было именемъ совершенно посторонняго человѣка—изъ-за котораго оно будетъ произноситься вдвое чаще, который будетъ постоянно вмѣстѣ со мной,—и дѣла котораго въ повседневной жизни школы, вслѣдствіе этого несчастнаго совпаденія, очень часто и неизбѣжно будутъ смѣшиваться съ моими.

Чувство возмущенія, возбужденное этимъ обстоятельствомъ, обострялось все болѣе и болѣе при всякомъ случаѣ, освѣщавшемъ нравственное или физическое сходство между моимъ соперникомъ и мною. Въ то время я еще не зналъ о замѣчательномъ фактѣ тожественности нашего

возраста; но я видѣлъ, что мы были одинаковаго роста, и даже пришелъ къ заключенію, что между нами существуетъ большое сходство, какъ въ общемъ обликѣ, такъ и въ отдѣльныхъ чертахъ лица. Меня также раздражали слухи, ходившіе о нашемъ родствѣ и считавшіеся достовѣрными въ старшихъ классахъ. Однимъ словомъ, ничто не могло такъ взволновать меня (хотя я съ величайшимъ стараніемъ старался скрыть причины моего волненія), какъ намекъ на какое-нибудь сходство между нами,—касался ли онъ нашего развитія, личности, или происхожденія; но на самомъ дѣлѣ, я не имѣлъ никакого основанія думать, что это сходство (за исключеніемъ факта родства и всего того, что умѣлъ находить только самъ Вильсонъ) было когда-нибудь предметомъ какихъ-нибудь комментарій, или когда-нибудь замѣчалось нашими товарищами по классу. Для меня было ясно только то, что оно служило предметомъ внимательнаго наблюденія для Вильсона во всѣхъ своихъ проявленіяхъ, такъ же, какъ и для меня; но что, при подобныхъ обстоятельствахъ, онъ могъ извлекать изъ этого сходства раздражавшія меня мелочи — я не могу приписывать ничему другому, какъ я уже

сказаль выше, какъ только его необыкновенной проницательности.

Онъ отвѣчалъ мнѣ, стараясь всегда въ жестахъ и словахъ копировать меня — и всегда прекрасно исполнялъ эту роль. Ему не трудно было скопировать мой костюмъ, точно такъ же, какъ усвоить себѣ особенности моей походки и моихъ манеръ; несмотря даже на свой физическій недостатокъ, онъ научился подражать моему голосу.

Конечно, онъ не пробовалъ сравняться со мной въ силѣ звука, но тонъ его былъ одинаковъ съ моимъ, и несмотря на то, что онъ говорилъ тихо, его голосъ былъ, какъ бы эхомъ моего.

Какъ сильно это въ высшей степени интересное подражаніе (потому что я не могу назвать его карикатурой) мучало меня, — трудно даже представить себѣ. У меня было только единственное утѣщеніе въ томъ, что это подражаніе, повидимому, замѣчалось только мной однимъ, и что мнѣ приходилось переносить таинственныя и саркастическія улыбки исключительно только моего однофамильца. Довольный произведеннымъ на меня эффектомъ своихъ уловокъ, онъ втайнѣ наслаждался нанесенными имъ мнѣ уколами и, кажется, относился съ презрѣ-

ніемъ къ тѣмъ знакамъ публичнаго одобренія, которые ему такъ легко было получить за свои остроумныя выдумки. Но, какъ наши товарищи не догадались о его намѣреніяхъ, какъ они могли не замѣтить его отношенія ко мнѣ и не присоединиться къ его насмѣшливому третированію меня,—въ теченіе многихъ мѣсяцевъ представляло для меня неразрѣшимую загадку и служило источникомъ безпокойства. Можетъ-быть очень продолжительная постепенность подражанія сдѣлала его незамѣтнымъ, или можетъ-быть моя безопасность въ этомъ отношеніи обусловливалась мастерствомъ исполненія, въ которомъ подражатель руководствовался не буквой (доступной наблюденію толпы), а, къ моему величайшему удивленію и огорченію, воссозданіемъ духа оригинала.

Я уже говорилъ нѣсколько разъ о мучительномъ для меня покровительственномъ тонѣ съ его стороны и его частомъ и услужливомъ вмѣшателствѣ въ мои поступки. Это вмѣшательство принимало иногда непріятный характеръ совѣта, который хотя и не давался открыто, но подразумевался или внушался. Я принималъ его съ отвращеніемъ, которое усиливалось съ каждымъ годомъ. Тѣмъ не менѣе, я считаю своимъ долгомъ при-

знать, что даже и въ эту отдаленную эпоху я не могу припомнить ни одного случая, въ которомъ внушенія моего соперника были бы (какъ это совершенно естественно могло быть въ возрастѣ не богатомъ опытомъ и недостаточно зрѣломъ) ошибочны и безразсудны,—наоборотъ, его нравственное чувство, а также и способности, и свѣтскій тактъ были гораздо тоньше моихъ и что, конечно, я былъ бы въ настоящую минуту лучшимъ и потому болѣе счастливымъ человѣкомъ, если бы я не такъ часто отвергалъ его, произносившіеся многозначительнымъ шопотомъ, совѣты, которые были для меня въ то время такъ ненавистны и къ которымъ я относился съ величайшимъ презрѣніемъ.

Такимъ образомъ, мало-по-малу во мнѣ укрѣплялся протестъ противъ его возмутительнаго надзора, и я съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе ненавидѣлъ то, что считалъ съ его стороны невозможною дерзостью. Я говорилъ уже, что въ первые годы нашего товарищества мои чувства къ нему могли легко перейти въ дружбу, но въ продолженіе послѣднихъ мѣсяцевъ моего пребыванія въ школѣ, хотя онъ и меньше надоѣдалъ мнѣ своими обычными приемами поддразниванія, мое отношеніе

къ нему сдѣлало поворотъ въ сторону положительной ненависти.

Какъ мнѣ кажется, ему удалось это замѣтить при одномъ обстоятельстве, и съ тѣхъ поръ онъ сталъ меня избѣгать, или старался сдѣлать видъ, что избѣгаетъ.

Почти въ то же время, если мнѣ только не измѣняетъ память, у насъ произошла съ нимъ бурная стычка, во время которой онъ, выйдя изъ рамокъ своей обычной сдержанности, говорилъ и поступалъ съ совершенно несвойственной ему развязностью. Тогда-то я открылъ, или мнѣ показалось, что я открылъ въ его разговорѣ, въ манерѣ и въ его общемъ обликѣ то, что сначала заставило меня содрогнуться, затѣмъ глубоко заинтересовало меня, вызвавъ въ моемъ представленіи какія-то неясныя видѣнія моего ранняго дѣтства, какія-то странныя, смѣшанныя мимолетныя воспоминанія о томъ времени, о которомъ моя память не сохранила никакихъ свѣдѣній. Всего лучше я могу опредѣлить это гнетущее ощущеніе, сказавъ, что мнѣ трудно было отдѣлаться отъ мысли, что я уже какъ будто раньше, въ какую-то очень отдаленную эпоху зналъ моего однофамильца. Эта иллюзія, во всякомъ случаѣ, исчезла такъ же быстро, какъ и появилась, и я упоминаю о ней только

для объясненія моего послѣдняго разговора съ моимъ alter ego.

Старый и обширный домъ съ своими безконечными подраздѣленіями заключалъ въ себѣ нѣсколько большихъ, соединявшихся между собой комнатъ, служившихъ спальнями для большей части учениковъ. Тѣмъ не менѣе (какъ это непременно и должно было быть въ зданіи съ такимъ запутаннымъ планомъ) въ немъ находилось много угловъ и закоулковъ,—которые въ цѣляхъ экономіи изобрѣтательный докторъ Брансби тоже превратилъ въ дортуары; но такъ какъ это были небольшія клѣтушки, то въ нихъ не могло помѣщаться больше одного ученика. Одну изъ такихъ маленькихъ комнатъ и занималъ Вильсонъ.

Однажды ночью, въ концѣ моего пятого года пребыванія въ школѣ и вскорѣ послѣ ссоры, о которой я уже говорилъ, воспользовавшись тѣмъ, что всѣ спали крѣпкимъ сномъ, я всталъ съ постели и съ лампой въ рукѣ проскользнулъ по лабиринту узкихъ проходовъ къ комнатѣ моего соперника.

Я очень долго придумывалъ, какъ бы сыграть съ нимъ одну изъ тѣхъ злыхъ штукъ, которыя мнѣ до сихъ поръ не удавались. Я рѣшилъ привести мой планъ

въ исполненіе и дать ему почувствовать всю кипѣвшую во мнѣ злобу.

Дойдя до его спальни, я вошелъ потихоньку, оставивъ лампу подъ абажуромъ у двери. Приблизившись къ моему сопернику, я прислушивался къ его ровному дыханію. Убѣдившись, что онъ крѣпко спитъ, я возвратился назадъ къ двери, взявъ лампу и снова приблизился къ его постели. Занавѣсы были спущены, я отдернулъ ихъ безшумно и медленно, чтобы привести въ исполненіе мое намѣреніе; въ это время свѣтъ упалъ на спящаго и одновременно съ этимъ мой взглядъ остановился на немъ. Я смотрѣлъ на него и чувствовалъ, какъ цѣпенью и холодью отъ ужаса. Сердце мое билось, колѣни дрожали и невыносимый и необъяснимый испугъ охватывалъ все мое существо. Судорожно дыша—я поднесъ лампу еще ближе къ его лицу... Неужели это были черты лица Вилліама Вильсона! Я зналъ, что это былъ онъ, но я весь дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ, представляя себѣ, что я вижу не его черты лица. Что же такое было въ нихъ особеннаго, что могло смутить меня до такой степени? Я продолжалъ всматриваться въ него, и у меня кружилась голова отъ тысячи безсвязныхъ мыслей, возникавшихъ въ моемъ

мозгу. Онъ не былъ такимъ, нѣтъ, конечно онъ не казался мнѣ такимъ въ часы своего бодрствованія. То же имя! Тѣ же черты лица! Одинъ и тотъ же день поступленія въ школу! И затѣмъ это упорное и необъяснимое подраженіе моей походкѣ, моему голосу, моему костюму и моимъ манерамъ! Могло ли быть дѣйствительно, въ предѣлахъ человѣческой возможности, *что то, что было* Вильямомъ Вильсономъ, было только результатомъ привычки къ насмѣшливому подражанію! Дрожа отъ ужаса, я потушилъ лампу, вышелъ изъ комнаты и вскорѣ разъ навсегда покинулъ эту школу, чтобы никогда въ нее не возвращаться.

По прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, которые я провелъ у моихъ родителей въ полной праздности, я поступилъ въ Итонскій колледжъ. Этотъ короткій перерывъ былъ совершенно достаточенъ для того, чтобы ослабить воспоминанія о событіяхъ въ школѣ Брансби, или, по крайней мѣрѣ, произвести замѣтное измѣненіе въ характерѣ тѣхъ чувствъ, которыя внушали мнѣ эти воспоминанія. Дѣйствительность, трагическая сторона драмы для меня больше не существовала. Я уже находилъ теперь нѣкоторыя основанія сомнѣваться въ свѣдѣтельствѣ моихъ чувствъ и почти всегда,

припоминая мои приключенія, удивлялся безграничности человѣческаго легковѣрія и смѣялся надъ богатой силой воображенія, унаслѣдованной мной отъ предковъ. Жизнь, которую я велъ въ Итонѣ, только способствовала развитію во мнѣ такого рода скептицизма. Вихрь безумства, охватившій меня въ это время, смель все, поглотивъ сразу всѣ прежнія прочныя и серьезныя впечатлѣнія, и оставилъ въ моемъ воспоминаніи только безразсудства предшествующаго періода моей жизни.

Въ мою задачу, во всякомъ случаѣ, не входятъ описанія моихъ отчаянныхъ безпутствъ, которыя нарушали всѣ законы нравственности и ускользали отъ всякаго наблюденія. Три безразсудныхъ года, прожитыхъ бесполезно, только укрѣпили во мнѣ порочныя привычки и подвинули ненормальнымъ образомъ мое физическое развитіе. Однажды, послѣ цѣлой недѣли, проведенной самымъ распутнымъ образомъ, я пригласилъ къ себѣ въ комнату на тайную оргію компанію самыхъ развращенныхъ студентовъ. Мы собрались поздно ночью, потому что нашъ кутежъ долженъ былъ продолжаться до утра. Вино лилось рѣкой и другіе, можетъ быть, болѣе опасные соблазны тоже не были забыты нами, такъ что къ тому

времени, какъ начала заниматься заря и небо стало блѣднѣть на востокѣ, наши безумства и излишества достигли своего апогея. Доведенный до неистоваго возбужденія, разгоряченный картами и виномъ, я только что приготовился произнести непристойный тостъ, какъ мое вниманіе было внезапно отвлечено тѣмъ, что одна изъ дверей внезапно открылась, и я услышалъ торопливый говоръ появившагося на порогѣ слуги. Онъ говорилъ, что меня ждетъ кто-то въ вестибюлѣ, и желаетъ говорить со мной по спѣшному дѣлу.

Я находился въ состояніи особеннаго возбужденія отъ вина, и этотъ внезапный перерывъ скорѣе доставилъ мнѣ удовольствіе, чѣмъ удивилъ меня. Шатаясь, я бросился къ двери и быстро очутился въ вестибюлѣ. Въ этомъ узкомъ и низкомъ помѣщеніи не горѣло ни одной лампы, и оно освѣщалось только слабымъ свѣтомъ зари, проникавшимъ изъ стеклянаго купола.

Не успѣлъ я переступить порогъ, какъ увидѣлъ молодого человѣка, почти моего роста, одѣтаго въ бѣлый, сшитый по послѣдней модѣ домашній костюмъ вродѣ того, какой былъ на мнѣ въ ту минуту; не смотря на слабый свѣтъ, я все это

увидѣлъ сразу, хотя и не могъ различить чертъ его лица. Только что я вошелъ въ вестибюль, какъ онъ бросился ко мнѣ и, схвативъ меня за руку нетерпѣливымъ, властнымъ жестомъ, прошепталъ мнѣ на ухо: „Вилліамъ Вильсонъ“. Эти слова моментально отрезвили меня.

Въ манерѣ новоприбывшаго, въ нервномъ дрожаніи его пальца, который онъ держалъ на высотѣ моихъ глазъ, было что-то такое, что страшно изумило меня; но мое волненіе было вызвано не изумленіемъ, а другимъ обстоятельствомъ. Въ этихъ странныхъ словахъ, произнесенныхъ низкимъ, свистящимъ голосомъ, было какое-то особенное значеніе и торжественность наставленія. Кромѣ того, характеръ и тонъ этихъ простыхъ, знакомыхъ слоговъ, произнесенныхъ таинственнымъ шопотомъ, возбуждали въ моей душѣ тысячи воспоминаній прошлыхъ дней и пронизывали мою душу какъ бы электрической искрой. Но раньше, чѣмъ я могъ придти въ себя и собрать свои мысли, таинственный незнакомецъ исчезъ.

Хотя это происшествіе и произвело сильное впечатлѣніе на мое разстроенное воображеніе, тѣмъ не менѣе оно скоро улетучилось. Правда, въ теченіе нѣ-

сколькихъ недѣль, я поочередно, то подвергалъ этотъ фактъ серьезному изслѣдованію, то погружался въ туманъ болѣзненныхъ измышлений. Я не пытался опровергать существованіе странной личности, вмѣшивавшейся такъ настойчиво въ мои дѣла и удручавшей меня своими услужливыми совѣтами. Но кто такое, что такое представлялъ собою этотъ Вильсонъ? Откуда онъ явился? Какая была цѣль его появленія? Я не могъ отвѣтить удовлетворительно ни на одинъ изъ этихъ вопросовъ;—я только зналъ, относительно него, что, вслѣдствіе какого-то внезапнаго несчастья въ его семьѣ, онъ покинулъ школу доктора Брансби въ тотъ-же самый день, когда я бѣжалъ изъ него. По прошествіи нѣкотораго времени, я пересталъ объ этомъ думать, и все мое вниманіе было поглощено предполагаемымъ отъѣздомъ въ Оксфордъ. Тамъ я достигъ скоро возможности—благодаря честолюбивой расточительности моихъ родителей, позволившей мнѣ вести дорогой образъ жизни и предаваться столь пріятной моему сердцу роскоши—соперничать въ бросаніи денегъ съ самыми богатыми наследниками великобританскихъ графствъ.

При такихъ благопріятныхъ условіяхъ, мой порочный характеръ сталъ проявлять-

ся все съ большей и большей силой, и, въ безумномъ опьяненіи моихъ оргій, я пренебрегалъ всѣми обыденными правилами приличій.

Но я не буду останавливаться здѣсь на подробномъ описаніи моихъ безпутствъ. Достаточно сказать, что я превзошелъ Ирода въ развратѣ и что, окрестивъ своимъ именемъ множество новыхъ безумствъ, я сдѣлалъ богатое добавленіе къ длинному перечню пороковъ, царившихъ въ то время въ самомъ распущенномъ университетѣ Европы.

Многимъ покажется невѣроятнымъ, что я до такой степени утратилъ понятіе о благородствѣ, что сталъ изучать самыя низкіе приемы профессиональнаго игрока и, сдѣлавшись адептомъ этого презрѣннаго занятія, пользовался имъ какъ средствомъ для увеличенія своихъ громадныхъ доходовъ за счетъ слабохарактерныхъ моихъ товарищей. А между тѣмъ это было такъ.

И самая чудовищность этого проступка противъ чувства собственнаго достоинства и чести была главною, а можетъ быть и единственною причиною моей безнаказанности. Между моими товарищами не было ни одного, который не отвергъ бы скорѣй свидѣтельства своихъ чувствъ,

чѣмъ заподозрилъ бы въ такомъ поведеніи веселаго, прямодушнаго, великодушнаго Вильяма Вильсона — самаго благороднаго и щедраго изъ оксфордскихъ коллегъ — того, безумства котораго, по словамъ его прихлебателей, были только безумствами юности и безграничной фантазіи, — заблужденія котораго были неподражаемыми причудами, — а самые черные пороки безразсудными излишествами.

Я провелъ два года такимъ веселымъ образомъ, когда въ университетъ поступилъ молодой человекъ, принадлежащій къ свѣже-испеченному дворянству, нѣкто Глендиннингъ — страшный богачъ, которому, какъ гласила молва, его богатство досталось безъ всякаго труда. Я скоро пришелъ къ заключенію, что онъ былъ недалекъ и потому намѣтилъ его, какъ превосходную жертву для проявленія моихъ талантовъ. Я сталъ его часто приглашать играть и старался съ обыкновенной хитростью игрока давать ему выигрывать значительныя суммы, чтобы завлечь его, какъ можно лучше, въ мои сѣти. Наконецъ, когда мой планъ совершенно созрѣлъ, я встрѣтился съ нимъ съ окончательнымъ намѣреніемъ обыграть его у одного изъ нашихъ товарищей м-ра Престона, нашего общаго пріятеля, но кото-

торый, я долженъ отдать ему эту справедливость, не имѣлъ ни малѣйшаго подозрѣнія о моемъ намѣреніи. Чтобы придать замыслу болѣе приличный видъ, я позаботился пригласить общество изъ восьми или десяти лицъ, а также и о томъ, чтобы предложеніе карточной игры явилось совершенно случайнымъ, и исходило бы отъ лица того, кого я имѣлъ намѣреніе обыграть. Чтобы не распространяться болѣе объ этомъ позорномъ предпріятіи, скажу только, что я не пренебрегъ ни одною изъ низкихъ подлостей, такъ часто практикующихся въ подобныхъ случаяхъ, что остается только удивляться какъ до сихъ поръ находятся дураки, попадающіеся въ эти ловушки.

Было очень поздно, когда я началъ дѣйствовать такимъ образомъ, чтобы имѣть своимъ партнеромъ только одного Глендиннинга.

Мы играли въ мою любимую игру — вкарте. Все остальное общество, заинтересованное грандіозными размѣрами, которые принимала наша игра, бросило свои карты и столпилось вокругъ насъ.

Нашъ ново - испеченный аристократъ, котораго я очень искусно сильно подпоилъ въ началѣ вечера, сдавалъ и игралъ особенно нервнымъ образомъ, что хотя

и не вполне, но до нѣкоторой степени объяснилось его омыяненіемъ.

Въ теченіе небольшого промежутка времени онъ задолжалъ мнѣ крупную сумму, и затѣмъ, выпивъ залпомъ стаканъ портвейна, сдѣлалъ то, что я заранѣе предвидѣлъ, а именно предложилъ удвоить ставку, достигавшую и тогда уже большихъ размѣровъ. Постаравшись очень искусно сдѣлать видъ, что я противъ этого, я согласился на его предложеніе только тогда, когда мой повторный отказъ вызвалъ съ его стороны по моему адресу такія рѣзкія слова, что мое согласіе имѣло видъ желаніе сдѣлать ему на зло. Результатъ получился, какого я ожидалъ; моя добыча запуталась окончательно въ разставленныхъ для нея сѣтяхъ; менѣе чѣмъ въ часъ его долгъ учетверился.

Уже съ нѣкотораго времени я замѣтилъ, что лицо его утратило краску, которая была вызвана выпитымъ виномъ; а затѣмъ я съ удивленіемъ увидѣлъ, что оно страшно поблѣднѣло. Я говорю съ удивленіемъ, такъ какъ я собралъ о Глендиннингѣ точныя свѣдѣнія, на основаніи которыхъ я считалъ его настолько богатымъ, что проигранныя имъ суммы не могли, какъ я предполагалъ — серьезно

безпокоить и такъ сильно взволновать его.

Самое простое объясненіе, которое естественно пришло мнѣ въ голову, заключалось въ томъ, что на него сильно подѣйствовало выпитое имъ вино; и я скорѣе съ цѣлью сохраненія моей репутаціи въ глазахъ моихъ товарищей, чѣмъ изъ желанія показать свое безкорыстіе, сталъ рѣшительно настаивать на окончаніи игры, когда нѣсколько словъ произнесенныхъ стоящими вблизи меня и восклицаніе Глендиннинга, выразившее полное отчаянне, дали мнѣ понять, что я окончательно разорилъ его при условіяхъ, сдѣлавшихъ его предметомъ общаго сожалѣнія.

Трудно, сказать, какъ бы я рѣшилъ поступить. Печальное положеніе моей жертвы навѣяло на всѣхъ замѣшательство и грусть; въ теченіе нѣсколькихъ минутъ царило полное молчаніе, во время котораго я чувствовалъ, какъ мое лицо пылаетъ подъ презрительными и укоризненными взглядами, бросаемыми на меня моими, еще не окончательно закоренѣлыми въ порокъ, товарищами. И я долженъ сознаться, что съ моей души многовенно спала невыносимая тяжесть, благодаря внезапному и странному обстоя-

тельству, прервавшему это невыносимое для меня положеніе.

Тяжелыя половинки дверей вдругъ раскрылись настезь съ такой силой и быстротой, что всѣ свѣчи потухли сразу, какъ по волшебному мановенію. Но при угасающемъ свѣтѣ мнѣ удалось замѣтить, что вошелъ какой-то незнакомецъ почти одного роста со мной,—плотно закутанный въ плащъ. Когда наступилъ полный мракъ, мы могли только чувствовать, что онъ находится среди насъ. Но раньше чѣмъ кто-либо изъ насъ пришелъ въ себя отъ удивленія, которое произвело на насъ это неожиданное вторженіе, мы услышали голосъ непрощеннаго гостя:

— Джентльмены,—сказалъ онъ *очень тихимъ, но ясно различимымъ, хорошо мнѣ знакомымъ голосомъ*, проникавшимъ до мозга моихъ костей:—джентльмены, я не буду просить у васъ извиненія за мое поведеніе, потому что, поступая такимъ образомъ, я только исполняю свой долгъ. Вы безъ сомнѣнія, не знаете настоящаго нравственнаго облика лица, выигравшаго огромную сумму въ экарте у лорда Глендиннинга. Я хочу вамъ предложить очень легко исполнимое и вѣрное средство для полученія очень важныхъ свѣдѣній по этому вопросу. Разсмотрите, пожалуйста,

внимательно подкладку обшлага его лѣваго рукава и тѣ небольшіе свертки, которые вы найдете въ обширныхъ карманахъ его редингота.

Въ то время, когда онъ говорилъ, было такъ тихо, что былъ-бы слышенъ шумъ отъ паденія булавки на коверъ. Окончивъ свою рѣчь, онъ исчезъ также быстро, какъ и появился. Какъ мнѣ описать, что я чувствовалъ въ эту минуту? Нужно-ли объяснять, что я испыталъ весь ужасъ человѣка, на которомъ лежитъ пятно проклятiя. Но мнѣ некогда было размышлять о своемъ положеніи. Нѣсколько рукъ ближе стоявшихъ лицъ грубо схватили меня въ то время, какъ другіе зажигали свѣчи. Меня стали обыскивать. Въ подкладкѣ рукава нашли всѣ главныя фигуры экарте, а въ карманахъ моего редингота нѣсколько колодъ картъ совершенно такихъ-же, какими мы играли въ нашемъ кружкѣ, съ тою разницею, что мои были подобраны, т. е. края фигуръ были незамѣтно выгнуты по поперечной сторонѣ, а края простыхъ картъ—по длинѣ. Благодаря этому расположенію, обыгрываемая жертва рѣжетъ, обыкновенно, колоду по долевоу линіи, вслѣдствіе чего неизмѣнно даетъ фигуру въ руки противнику, между тѣмъ какъ шулеръ, рѣжущій колоду по-

перекъ даетъ своей жертвѣ только простую карту.

Буря возмущенія и гнѣва не оскорбила бы меня такъ сильно, какъ презрительное молчаніе и саркастическое спокойствіе, съ которыми была встрѣчена эта находка.

— Мистеръ Вильсонъ,—обратился ко мнѣ хозяинъ, наклоняясь, чтобы поднять великолѣпный плащъ, подбитый дорогимъ мѣхомъ; вотъ вашъ плащъ. (Стояла холодная погода и, выходя изъ дому, я набросилъ плащъ, который я снялъ, когда вошелъ въ карточную комнату).—Мнѣ кажется, — прибавилъ онъ, разсматривая складки плаща съ горькой усмѣшкой: — что будетъ совершенно излишнимъ искать новыхъ доказательствъ вашего знанія жизни. Съ насъ довольно того, что мы видѣли. Я надѣюсь, что вы поймете необходимость покинуть Оксфордъ, а во всякомъ случаѣ, я прошу васъ немедленно оставить мой домъ.

Весьма возможно, что я не оставилъ бы такого оскорбленія, унижающаго и втоптывающаго меня въ грязь, безъ отвѣта насильственнымъ дѣйствіемъ, если бы все мое вниманіе не было въ эту минуту обращено на необъяснимый, изумительный фактъ. Плащъ, который я принесъ, былъ, какъ я уже сказалъ, подбитъ

очень рѣдкимъ и страшно дорогимъ мѣхомъ. Покрой его былъ совершенно оригиналенъ и идея его всецѣло принадлежала мнѣ; въ вопросахъ костюма я давалъ полный просторъ моей фантазіи и доводилъ увлеченіе дэндизмомъ до нелѣпости. Поэтому, когда мистеръ Престонъ передалъ мнѣ плащъ, поднятый имъ на полу у двери комнаты, я съ удивленіемъ, близкимъ къ ужасу, замѣтилъ, что я держалъ мой плащъ на рукѣ и что тотъ, который онъ передавалъ мнѣ, былъ точной копіей моего въ самыхъ мельчайшихъ подробностяхъ. Странное существо, которое меня разоблачило, было, какъ я хорошо помню, тоже закутано въ плащъ, и я зналъ, что никто изъ присутствующихъ, за исключеніемъ меня, не принесли плаща въ комнату. Сохраняя еще нѣкоторое присутствіе духа, я взялъ плащъ, переданный мнѣ Престономъ, накинулъ его, незамѣтно для другихъ, на свой и вышелъ изъ комнаты, бросивъ на присутствующихъ вызывающій и угрожающій взглядъ. Въ то-же утро, до разсвѣта, я поспѣшно выѣхалъ изъ Оксфорда на материкъ, испытывая настоящую агонию ужаса и стыда.

Мое бѣгство было бесполезно. Проклятая судьба преслѣдовала меня, торже-

ствуя и доказывая мнѣ, что ея таинственная власть надо мной только теперь начала проявлять себя. Сейчас же послѣ моего приѣзда въ Парижъ, я получилъ новое доказательство отвратительнаго интереса, который Вильсонъ питалъ къ моимъ дѣламъ. Годы проходили за годами, а мои мученья продолжались по прежнему. Въ Римѣ, съ какой назойливой услужливостью, съ какою призрачною нѣжностью, онъ всталъ преградой между мной и моимъ честолюбіемъ! А въ Вѣнѣ! въ Берлинѣ! въ Москвѣ! Было-ли гдѣ-нибудь такое мѣсто, гдѣ бы я не имѣлъ основанія проклинать его въ глубинѣ души! Охваченный паническимъ ужасомъ, я бѣжалъ отъ его настойчивой тирани, какъ отъ чумы, бѣжалъ на другой конецъ свѣта, *но все было напрасно.*

И въ теченіе всего этого времени я тайнѣ задавалъ себѣ вопросъ: „Кто онъ? Откуда онъ явился? Какая у него можетъ быть цѣль?“ Но я не находилъ отвѣта на эти вопросы. И я анализировалъ съ гщательною заботливостью формы, методъ и характеръ его несноснаго надзора. Но и тутъ я не могъ найти ничего, что могло бы служить основаніемъ для предположеній. Я могъ подчеркнуть только слѣдующій фактъ: замѣчательно, что во

всѣхъ многочисленныхъ случаяхъ, когда онъ встрѣчался на моей дорогѣ, онъ всегда разрушалъ тѣ планы, или устраивалъ тѣ комбинаціи, которые, въ случаѣ ихъ успѣха, привели бы къ самому несчастному исходу. Какое жалкое оправданіе для такого дерзкаго захвата власти! Какое ничтожное вознагражденіе за естественныя права свободной воли, отвергаемая такъ смѣло и настойчиво! Мнѣ пришлось также сдѣлать наблюденіе, что мой палачъ въ теченіе долгаго періода времени, продолжая проявлять съ необыкновенною тщательностью и изумительной ловкостью свою манію одинаковаго сомной костюма, всякій разъ, какъ онъ ставилъ преграду исполненія моей воли, устраивалъ такъ, что я не могъ видѣть чертъ его лица. Что бы такое ни изображалъ изъ себя этотъ проклятый Вильсонъ, такая таинственность была верхомъ аффектаціи и глупости. Неужели онъ могъ предполагать хоть одинъ моментъ, что какъ въ моемъ Итонскомъ совѣтчикѣ, и въ Оксфордскомъ разрушителѣ моей чести, такъ и въ томъ чловѣкѣ, который помѣшалъ моимъ честолюбивымъ замысламъ въ Римѣ, моему мщенію въ Парижѣ, моей страстной любви въ Неаполѣ, и тому, что онъ совершенно неправильно назы-

валъ моей алчностью въ Египтѣ,—что въ этомъ существѣ, моемъ величайшемъ врагѣ и моемъ зломъ гени, я не узнаю Вильяма Вильсона моихъ школьныхъ дней — моего однофамильца, товарища, опаснаго, ненавистнаго соперника изъ школы Брансби? Но вѣдь это было бы просто невѣроятно! Однако, перейдемъ къ послѣдней сценѣ драмы.

До сихъ поръ я трусливо поддавался его властному произволу. Чувство глубокаго уваженія, съ которымъ я привыкъ относиться къ возвышеннымъ чувствамъ, величественной мудрости, кажущимся вездѣсущю и всемогуществу Вильсона, въ соединеніи съ чувствомъ ужаса, который вызывали во мнѣ нѣкоторыя черты его характера и нѣкоторыя преимущества, породили во мнѣ сознаніе безсилія и принудили меня къ полной подчиненности, хотя и не безъ горечи и отвращенія, его произвольной диктатурѣ. Объясненіемъ этому можетъ служить то, что въ послѣднее время я сталъ сильно злоупотреблять спиртными напитками, и ихъ возбуждающее вліяніе на мой наслѣдственный темпераментъ вызывало во мнѣ все большую и большую нетерпимость къ всякому контролю. Я началъ возмущаться — колебаться и сопротивляться. Возможно, что

просто въ моемъ воображеніи создалась увѣренность, что настойчивость моего палача ослабѣетъ съ усиленіемъ моей воли, но во всякомъ случаѣ я находился подъ наитіемъ пылкой надежды и, въ концѣ концовъ, началъ питать въ тайникѣ моей души мрачную и отчаянную рѣшимость освободиться отъ моего рабства.

Во время карнавала въ 18... г. въ Римѣ, я былъ на одномъ костюмированномъ балу во дворцѣ неаполитанскаго герцога Ди-Броглио. Я выпилъ вина больше обыкновеннаго, и душная атмосфера наполненныхъ толпой залъ невыносимо раздражала меня. Трудность, съ которою мнѣ приходилось пробивать себѣ дорогу, еще болѣе усилила мое дурное расположеніе духа; кромѣ того, я все время жадно искалъ (не буду говорить для какой возмутительной цѣли) молодую, веселую, прекрасную супругу стараго и сумасброднаго Ди-Броглио. Она имѣла неосторожность довѣрить мнѣ тайну своего костюма и, когда я увидѣлъ ее въ отдаленіи, я поспѣшилъ приблизиться къ ней. Въ эту минуту я почувствовалъ, какъ чья-то рука легко коснулась моего плеча,—и я услышалъ тихій, проклятый шепотъ у моего уха...

Охваченный безумной яростью, я бы-

стро повернулся къ тому, кто такъ растревожилъ меня, и сильнымъ движеніемъ схватилъ его за воротникъ. Какъ я и ожидалъ, онъ былъ въ костюмѣ абсолютно схожемъ съ моимъ: на немъ, такъ же, какъ и на мнѣ былъ надѣтъ испанскій плащъ изъ голубого бархата, а талію охватывалъ малиновый поясъ, къ которому была прикрѣплена рапира. Черная шелковая маска совершенно закрывала его лицо.

— Презрѣнный,—воскликнулъ я хриплымъ отъ бѣшенства голосомъ и съ каждымъ произносимымъ мною слогомъ, я все больше и больше горячился.—Презрѣнный! Самозванецъ! Проклятый негодяй! О! я не позволю тебѣ больше ходить за мной слѣдомъ,—я не дамъ тебѣ затравить меня до смерти! За мной, или я тебя убью здѣсь же на этомъ мѣстѣ!

И я направился изъ бальной залы въ прилежащую къ ней небольшую комнату, насильно таща его за собой.

Войдя въ нее, я отбросилъ его далеко отъ себя. Онъ ударился объ стѣну; я закрылъ дверь съ проклятьемъ на устахъ и приказалъ ему обнажить шпагу.

Онъ колебался одно мгновение; затѣмъ съ легкимъ вздохомъ вынулъ молчаливо шпагу и сталъ въ позицію.

Борьба была непродолжительна. Я былъ доведенъ до крайняго возбужденія и чувствовалъ въ своей рукѣ небывалую силу и мощь. Въ нѣсколько секундъ я сильными ударами приперъ его къ панели и тамъ, въ то время какъ онъ находился въ моей власти, я съ звѣрской жестокостью нѣсколько разъ подрядъ пронзилъ ему грудь моей шпагой.

Но кто-то дотронулся до двернаго замка. Я поспѣшилъ предотвратить докучливое вторженіе и немедленно возвратился къ моему умирающему сопернику. Нѣтъ словъ для выраженія того удивленія, того ужаса, которые охватили меня при зрѣлищѣ, представшемъ моимъ глазамъ. Короткаго промежутка времени, въ теченіе котораго я отвернулся въ сторону, было достаточно, чтобы произвести повидимому измѣненіе въ расположеніи вещей на другомъ концѣ комнаты.

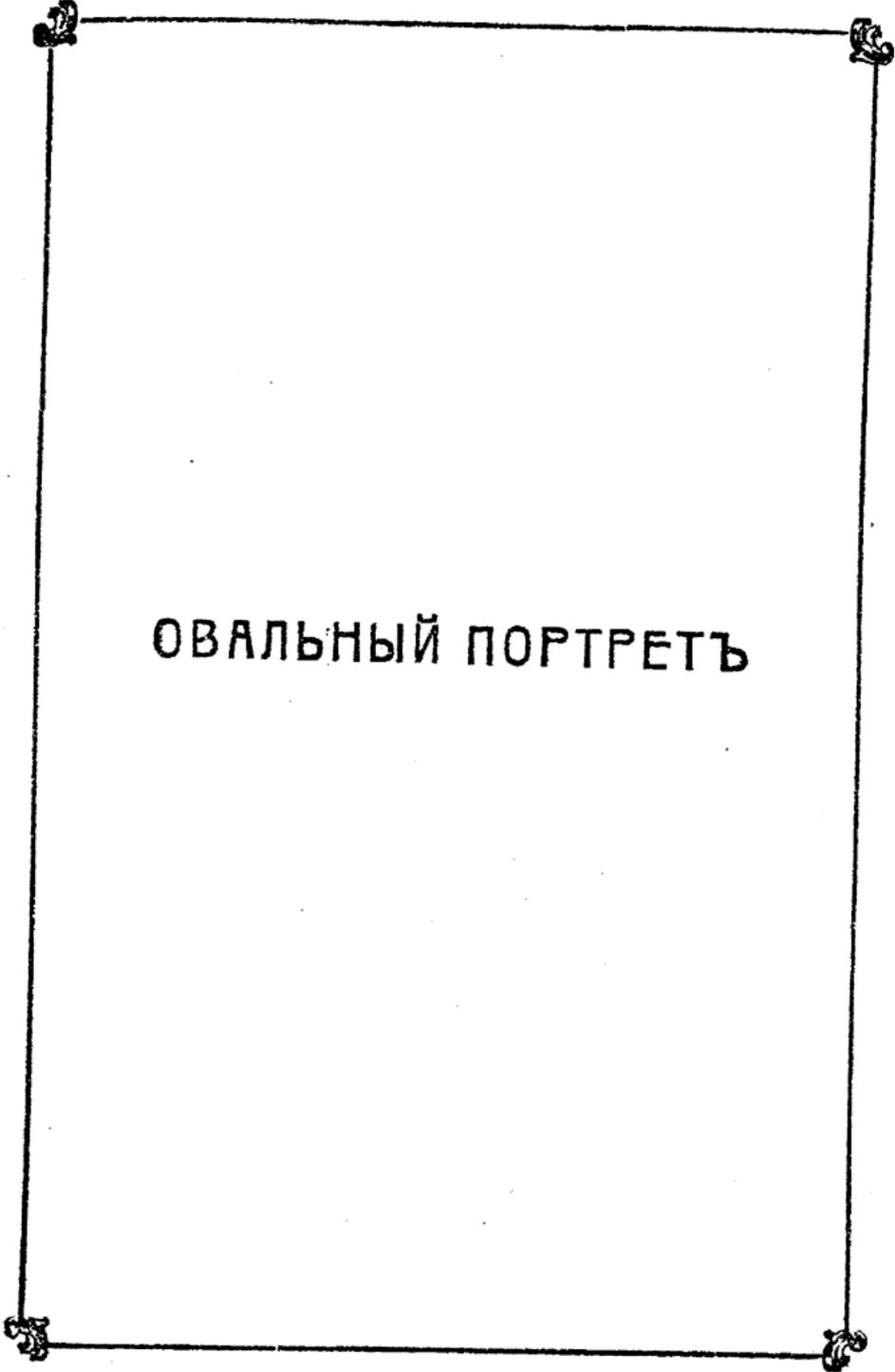
Огромное зеркало,—какъ мнѣ показалось сначала въ моемъ состояніи волненія, находилось тамъ, гдѣ прежде не было никакого слѣда его; и въ то время, какъ я въ ужасѣ направлялся къ нему, я увидѣлъ, какъ мое собственное отраженіе съ блѣднымъ и забрызганнымъ кровью лицомъ, шло, медленно и шатаясь, ко мнѣ на встрѣчу.

Въ такомъ видѣ это представилось мнѣ, но на самомъ дѣлѣ это не было такъ. Передо мной стоялъ мой противникъ— Вильсонъ въ своей предсмертной агоніи. Его маска и его плащъ лежали на полу, тамъ, гдѣ онъ ихъ бросилъ. Въ его костюмѣ не было ни одной нитки, въ его характерной и оригинальной фигурѣ не было ни одной черточки, которыя не были бы точнымъ сколкомъ съ меня—во всемъ было полное тожество!

Это былъ Вильсонъ, но Вильсонъ, уже теперь не шептавшій своихъ словъ, а говорившій такъ, что мнѣ могло казаться, что я самъ произносилъ слѣдующія слова:

— Ты побѣдилъ, а я погибаю. Но съ этого момента ты также умеръ—умеръ для міра, для неба и для надежды. Во мнѣ ты жилъ; а теперь ты видишь въ моей смерти, видишь въ этомъ отраженіи, какъ ты окончательно убилъ себя.

ОВАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТЪ

Egli è vivo parlerebbe se non osservasse la rigola del silenzio ¹⁾.

Эпиграфъ подъ изображеніемъ Св. Бруно.

I.

Лихорадка, которою я заболѣлъ, была продолжительна и не поддавалась леченію; всѣ средства, какими можно было воспользоваться въ дикой гористой мѣстности Аппенинъ, были исчерпаны, не доставивъ мнѣ никакого облегченія. Мой слуга и единственный спутникъ не рѣшался, вслѣдствіе боязни и неумѣнья, пустить мнѣ кровь, которой я, впрочемъ, много потерялъ въ столкновеніи съ разбойниками. Точно также я не могъ рѣшиться отпустить его въ поиски за по-

¹⁾ Онъ живъ и заговорилъ бы, если бы не соблюдалъ обѣта молчанія.

мощью. Но къ счастью, я совершенно неожиданно вспомнилъ о пачкѣ опиума, находившейся вмѣстѣ съ табакомъ въ деревянномъ ящикѣ:—еще въ Константинополѣ я приобрѣлъ привычку курить такую смѣсь. Приказавъ Педро подать мнѣ ящикъ, я разыскалъ это наркотическое средство. Но когда нужно было взять опредѣленную дозу его, мною овладѣла нерѣшительность. Для куренья было безразлично количество употребляемаго опиума, и я, обыкновенно, бралъ половина-наполовину того и другого и перемѣшивалъ все вмѣстѣ. Куреніе этой смѣси иногда не производило на меня никакого дѣйствія, иногда же мною наблюдались такіе симптомы нервнаго расстройства, которые являлись для меня предостереженіемъ. Конечно, опиумъ при небольшой ошибкѣ въ дозированиіи не могъ представлять никакой опасности. Но въ данномъ случаѣ дѣло обстояло иначе, такъ какъ мнѣ никогда не приходилось пользоваться опиумомъ, какъ внутреннимъ средствомъ. Хотя мнѣ и приходилось принимать внутрь лауданумъ и морфій, но я никогда не употреблялъ опиума въ чистомъ видѣ. Конечно, Педро въ этомъ вопросѣ былъ также несвѣдущъ, какъ и я, и такимъ образомъ, я не зналъ, на

что рѣшиться. Но, пораздумавъ немного, я рѣшилъ начать съ минимальнаго приѣма и постепенно увеличивать дозу. Если первый приѣмъ не произведетъ никакого дѣйствія, думалъ я, то его придется повторять до тѣхъ поръ, пока не понизится температура, или пока не наступитъ желанный сонъ, который былъ для меня необходимъ, такъ какъ я страдалъ бессонницею уже цѣлую недѣлю и находился въ какомъ-то странномъ состояніи полудремоты, похожемъ на опьяненіе. Вѣроятно, мое затемненное сознание и было причиною безсвязности моихъ мыслей, и я, не имѣя никакихъ данныхъ для сравненія, сталъ рассуждать о возможныхъ для приѣма дозахъ опиума. Въ то время я никакъ не могъ ориентироваться въ масштабѣ, и та доза опиума, которая мнѣ казалась очень маленькой, на самомъ дѣлѣ могла быть очень большой. А между тѣмъ я отлично помню, что я точно и хладнокровно опредѣлилъ дозу опиума, по сравненію со всѣмъ количествомъ имѣвшагося на лицо наркотика и, безстрашно проглотилъ ее, что я могъ сдѣлать съ спокойнымъ сердцемъ, такъ какъ она была незначительною долею всего количества, находившагося въ моемъ распоряженіи.

II.

Замокъ, въ который мой слуга рѣшилъ лучше проникнуть силой, чѣмъ дозволить мнѣ, тяжело раненому, провести ночь на дворѣ, представлялъ собой одно изъ тѣхъ величественныхъ и мрачныхъ строеній, которыя съ давнихъ поръ гордо возвышаются среди Аппенинъ какъ въ дѣйствительности, такъ и въ фантази мистриссъ Радклиффъ. По-видимому онъ былъ недавно временно покинутъ своими обитателями. Мы помѣстились въ одной изъ самыхъ небольшихъ и не очень роскошно мебелированныхъ комнатъ, находившейся въ отдаленной башнѣ зданія. Ея богатое убранство стариннаго стиля приходило въ разрушеніе. Стѣны были обиты коврами и украшены многочисленными геральдическими трофеями различной формы, также какъ и огромнымъ количествомъ новыхъ картинъ въ богатыхъ золоченыхъ рамахъ съ арабесками. Я страшно заинтересовался (можетъ-быть причиной этого былъ начинавшійся бредъ) этими картинами, украшавшими не только главныя стѣны, но и цѣлую сѣть закоулковъ, являвшихся неизбѣжнымъ результатомъ причудливой архитектуры замка.

Этотъ интересъ былъ настолько силенъ, что я приказалъ Педро закрыть тяжелыя ставни въ комнатѣ, такъ какъ уже наступала ночь, зажечь большой канделябръ въ нѣсколько рожковъ, стоявшій у моего изголовья, и отдернуть черный бархатный пологъ съ бахромой.

Я пожелалъ этого съ той цѣлью, чтобы въ случаѣ бессонницы развлекать себя поочередно разсматриваніемъ этихъ картинъ и чтеніемъ небольшого томика, найденнаго мною на подушкѣ и заключавашаго въ себѣ ихъ описаніе и критику. Я читалъ очень долго и тщательно, и благоговѣнно разсматривалъ картины. Время летѣло быстро, и наступила ночь. Мнѣ не нравилось положеніе канделябра, и я съ трудомъ протянулъ самъ руку, чтобы не беспокоить заснувашаго слугу, и переставилъ канделябръ такимъ образомъ, чтобы свѣтъ падалъ прямо на мою книгу.

Но передвиженіе его дало совершенно неожиданный результатъ. Свѣтъ многочисленныхъ свѣчей канделябра, при его новомъ положеніи, упалъ на одну изъ нишъ комнаты, которая, вслѣдствіе падавшей на нее тѣни отъ одной изъ колоннъ кровати, находилась во мракѣ. И тогда при яркомъ освѣщеніи я замѣтилъ

картину, которой раньше не видѣлъ. Это былъ портретъ вполне развитой молодой дѣвушки, можетъ быть даже женщины. Окинувъ картину быстрымъ взглядомъ, я закрылъ глаза. Почему я такъ сдѣлалъ, — я не могъ дать себѣ отчета въ первую минуту. Но пока я лежалъ съ закрытыми глазами, я старался поспѣшно проанализировать причину, заставившую меня поступить такимъ образомъ и пришелъ къ заключенію, что это было бессознательное движеніе съ цѣлью выиграть время, рѣшить что мое зрѣніе не обмануло меня—и успокоить, и приготовить себя къ болѣе холодному и точному созерцанію. По прошествіи нѣсколькихъ минутъ, я снова сталъ разсматривать пристально картину. Если бы даже я хотѣлъ, я не могъ сомнѣваться въ томъ, что ясно вижу ее, такъ какъ первые лучи свѣта канделябра, упавшіе на эту картину, разсѣяли дремотную апатію моихъ чувствъ и вернули меня къ дѣйствительности.

III.

Какъ я уже сказалъ, это былъ портретъ молодой дѣвушки. На портретѣ была изображена ея голова, плечи въ

томъ стилѣ, который носить техническое названіе стиля виньетки: живопись на-поминала манеру Сюлли въ его излюбленныхъ головкахъ. Руки, грудь и даже ореоль окружавшихъ головку волосъ, незамѣтно расплывались на неопредѣленной глубокой тѣни, служившей фономъ. Рама была овальной формы, великолѣпной позолоты, съ узорами въ мавританскомъ стилѣ. Съ точки зрѣнія чистаго искусства живопись была восхитительна. Но весьма возможно, что сильное внезапное впечатлѣніе, произведенное на меня этой картиной, не зависѣло ни отъ художественности исполненія, ни отъ красоты лица. Еще менѣе я могъ допустить, что я въ состояніи полудремоты могъ принять эту голову за голову живой женщины. Я сразу различилъ подробности рисунка, а стиль виньетки и видъ рамы немедленно разсвѣяли бы эту фантазію и предохранили бы меня отъ возможности даже мимолетной иллюзіи на этотъ счетъ. Устремивъ глаза на портретъ и принявъ полу-лежащее, полу-сидячее положеніе, я, можетъ быть, цѣлый часъ рѣшалъ эту загадку. Въ концѣ концовъ, повидимому разгадавъ ее, я снова опустился на подушки. Я пришелъ къ заключенію, что все очарованіе этой картины заключалось

въ жизненномъ выраженіи, исключительно присущемъ только живымъ существамъ, которое сначала заставило меня содрогнуться, затѣмъ смутило, покорило и ужаснуло. Съ чувствомъ глубокаго и благоговѣйнаго ужаса я поставилъ канделябръ на прежнее мѣсто. Изъявъ такимъ образомъ изъ сферы моего зрѣнія предметъ, бывшій причиною моего сильнаго волненія, я поспѣшно взялъ томикъ, заключавшій въ себѣ критику картинъ и ихъ исторію.

IV.

Подъ номеромъ, обозначавшимъ овальный портретъ, я прочелъ слѣдующій странный и загадочный рассказъ:

„Это портретъ молодой дѣвушки рѣдкой красоты, надѣленной отъ природы въ такой же мѣрѣ привѣтливостью, какъ и веселостью. Да будетъ проклятъ тотъ часъ ея жизни, когда она полюбила и вышла замужъ за художника. Онъ былъ страстный суровый труженикъ, отдавшій всѣ силы своей души и сердца искусству; она молодая дѣвушка рѣдкой красоты, въ такой же мѣрѣ привѣтливая, какъ веселая; она вся была свѣтъ и радость; шаловливая, какъ молодая газель,

она любила и восхищалась всѣмъ, что окружало ее, ненавидѣла только искусство, бывшее ея врагомъ, и боялась только палитры, кистей и другихъ несносныхъ инструментовъ, отнимавшихъ у нея ея возлюбленнаго.

„Когда она узнала, что художникъ хочетъ писать съ нея портретъ, она была охвачена непреодолимымъ ужасомъ. Но будучи кроткой и послушной, она покорилась своей участи и покорно просиживала цѣлыя недѣли въ темной и высокой комнатѣ башни, гдѣ только плотно освѣщалось блѣднымъ свѣтомъ, падавшимъ съ потолка. Художникъ въ поискахъ славы, которую должна была создать ему эта картина, неустанно работалъ надъ ней цѣлыми часами, изо дня въ день; страстный работникъ, нѣсколько странный и задумчивый, погруженный въ свои мечты, онъ не хотѣлъ замѣчать, что мрачное освѣщеніе этой башни подрывало здоровье и хорошее расположеніе духа его жены, которая хирѣла съ каждымъ днемъ, что было ясно для всѣхъ, за исключеніемъ его. Между тѣмъ она продолжала улыбаться и не жаловалась ни на что, потому что она видѣла, что художнику (пользовавшемуся большою извѣстностью) картина доставляла огромное и жгучее

наслажденіе, и онъ работалъ день и ночь, чтобы изобразить на полотнѣ черты той, которая его такъ горячо любила, но которая съ каждымъ днемъ слабѣла и теряла силы. И, дѣйствительно, всѣ видѣвшіе портретъ шопотомъ говорили о его сходствѣ съ оригиналомъ, какъ о замѣчательномъ чудѣ и какъ вѣскомъ доказательствѣ таланта художника и его могучей любви къ той, которую онъ такъ превосходно воспроизвелъ въ своей картинѣ. Но съ теченіемъ времени, когда работа уже стала близиться къ концу, доступъ постороннимъ лицамъ въ башню былъ прекращенъ; художникъ какъ будто совсѣмъ обезумѣлъ въ пылу своей работы и почти не отводилъ глазъ отъ полотна, хотя бы для того, чтобы бросить взглядъ на оригиналь. И онъ не хотѣлъ видѣть, что краска, которую онъ клалъ на полотно, была взята съ лица сидѣвшей вблизи него жены. И когда протекло много недѣль и оставалось только прибавить черточку около рта и бликъ въ глазу, дыханіе жизни въ молодой женщинѣ трепетало еще, какъ пламя въ горѣлкѣ угасающей лампы. И вотъ черточка была нанесена на полотно, бликъ былъ брошенъ, и художникъ продолжалъ стоять въ экстазѣ передъ оконченнымъ

трудомъ; но спустя минуту, продолжая разсматривать портретъ, онъ вдругъ задрожалъ, поблѣднѣлъ и ужаснулся. Воскликнувъ громовымъ голосомъ:— „Дѣйствительно, это сама жизни!“, онъ вдругъ обернулся, чтобы посмотрѣть на свою возлюбленную супругу.— Она была мертва.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

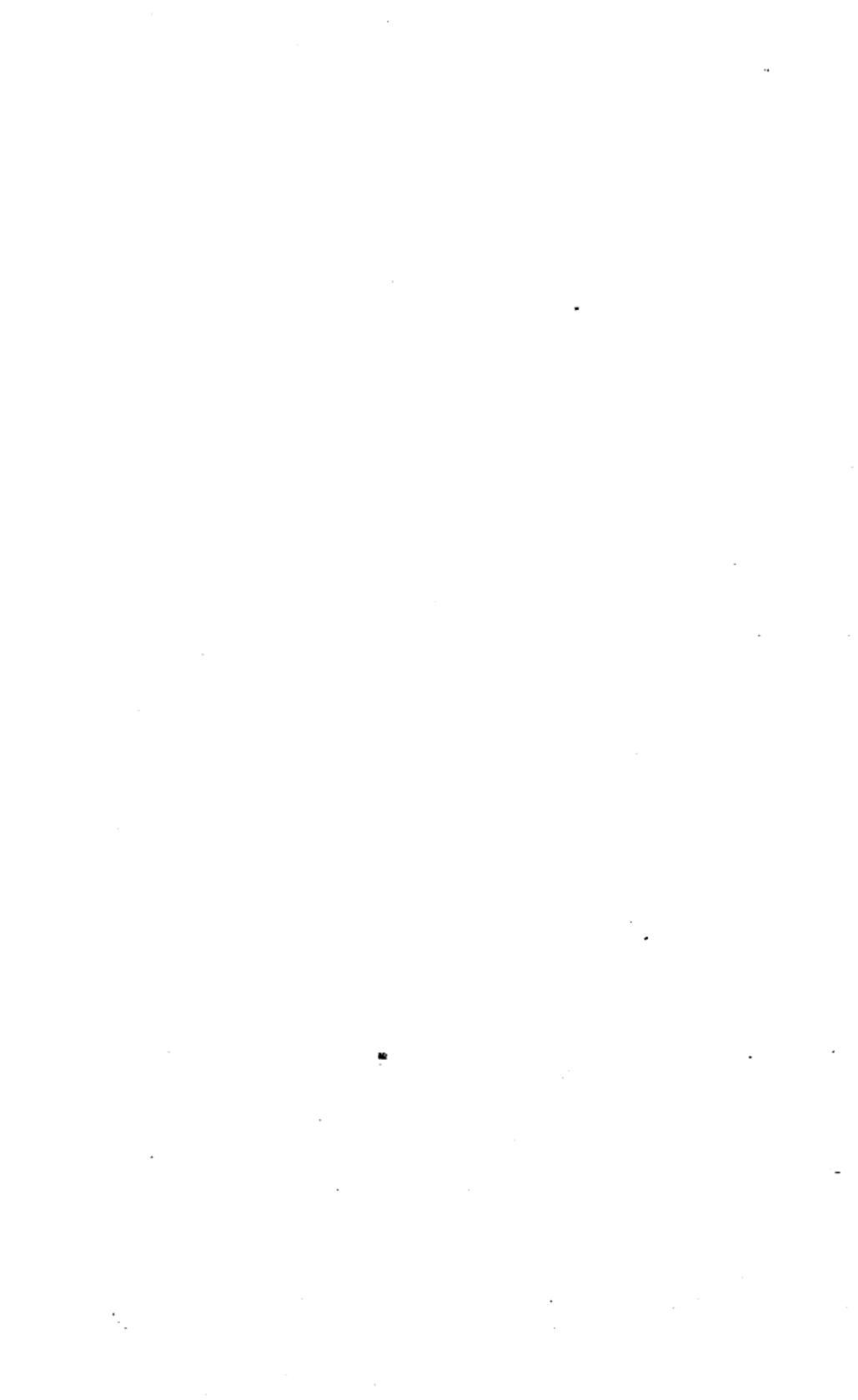
	стр.
Вильямъ Вильсонъ	5
Овальный портретъ	53

УЙДА

ДОЖДЛИВЫЙ ЮНЬ

ПОВѢСТЬ

ПЕРЕВ. П. Д. УСПЕНСКАГО
ПОДЪ РЕД. И. ЯСИНСКАГО

Дождливый июнь.

ПОВѢСТЬ.

*Отъ князя ди Санъ-Зеноне, отъ Клари-
дусъ, Лондонъ, герцогиня дель'Аквила Филь-
ва, Монтероне, близъ Милана, Италия.*

Милѣйшая Тереза,

Я получилъ ваше письмо, которое кажется мнѣ восхитительнымъ, потому что оно ваше, и ужаснымъ, потому что оно пробираетъ меня, бранить, нападаетъ на меня, заставляетъ меня чувствовать себя совсѣмъ школьникомъ. Да, это совершенно вѣрно! Я ничего не могу сдѣлать. Она околдовала меня. Это дилія, превращенная въ женщину. Я боялся, что вы будете особенно сердиться на то, что это иностранка; но часъ судьбы пробилъ. Вы перестанете удивляться, когда вы увидите ее. Она блондинка, свѣтлая, какъ заря, и чистая, какъ жемчужина.

Мнѣ кажется теперь, что я еще ни разу не любилъ ни одной женщины во всю свою жизнь.

Любить ее, это похоже на то, что чувствуешь, когда въ жаркій полдень опускаешь руку въ холодный ключъ. Она такое отдохновеніе, такая невинность, такая святость! Среди этой тѣсной, ярко раскрашенной, вульгарной лондонской жизни, — потому что эта жизнь очень вульгарна даже на самыхъ верхахъ — она кажется какимъ-то ангеломъ чистоты.

Я увидѣлъ ее первый разъ съ букетомъ розъ подъ широкимъ кедромъ, на берегу рѣки. Она сидѣла съ чашкой чая. Здѣсь всѣ всегда пьютъ чай. И она такая бѣлая. Я никогда не видѣлъ ничего до такой степени бѣлаго, кромѣ снѣга на вершинѣ Ліонессы.

Она совсѣмъ не похожа на тѣхъ быстрыхъ англійскихъ миссъ, которыхъ такъ много можно видѣть зимой въ Римѣ. Я не люблю быстрыхъ англичанокъ. Если уже говорить о быстрыхъ женщинахъ, то самая лучшая это парижанка, или даже американка. Англичанки пересаливаютъ. Но она точно подснежникъ, или фарфоровая фигурка, или мягкая блѣдная звѣзда, сіяющая утромъ. Я не могу о ней думать иначе, какъ стихами. Единственно, чего ей недостасть, это быть запертой въ монастырь, чтобы я могъ ради нея навѣки погубить свою душу, перелѣзая черезъ каменную стѣну по шелковой лѣстницѣ. Но мы живемъ

въ прозаическій вѣкъ, и это особенно прозаическая страна. Лондонъ забавляетъ меня, но здѣсь вездѣ ужасная толпа и городъ невыносимо безобразенъ. Я не могу представить себѣ, почему такіе богатые люди, какъ англичане, примиряются со всѣмъ этимъ безобразіемъ.

Дома здѣсь всѣ слишкомъ малы, даже самыя большіе.

Я еще ни разу не видалъ ни одной хорошей балльной залы. Говорятъ, что есть хорошія залы въ помѣстьяхъ. Клубы очаровательны, но жизнь въ обществѣ кажется мнѣ поспѣшной, дорогой, некрасивой, шумной и почти исключительно посвященной ѣдѣ. Точно люди куда-то карабкаются, спѣшать и дорогой все время ѣдятъ.

Относительно обѣдовъ уговариваются за мѣсяць впередъ. Хорошихъ манеръ, на мой вкусъ, здѣсь нѣтъ ни у кого—ни у мужчинъ, ни у женщинъ. Слѣдовало бы вамъ пріѣхать ко мнѣ на свадьбу и показать имъ, какиимъ прекраснымъ существомъ можетъ быть венеціанская красавица-патриціанка. Зачѣмъ вы вышли замужъ за этого пьемонтца? Только двумъ вещамъ придаютъ, по моему мнѣнію, значеніе въ Англии — это ѣдѣ и политикѣ. Они ѣдятъ цѣлый день. И цѣлый день говорятъ о Гладстонѣ. Половина ихъ говоритъ, что Гладстонъ—это гибель Англии. Другая половина говоритъ, что Гладстонъ — это спасеніе Англии.

Меня совершенно не интересует, кто из них правъ. Я чувствую только, что они не могут исключить Гладстона изъ своего разговора даже на пять минутъ. Но завтра я ѣду въ деревню съ моимъ Подсѣжникомъ — одинъ, вдвоемъ съ ней, — завтра она станетъ моею совѣтницей и навсегда. И я ничего больше не услышу относительно Гладстона. Конечно, вы удивляетесь, почему я женюсь.

Я удивляюсь самъ. Но иначе я долженъ буду сказать прости навсегда моей лилии.

Кругомъ нея такая стѣна родственниковъ и семейнаго величія. Это не стѣна монастыря, и здѣсь не поможетъ шелковая лѣстница. Нужно войти въ переднюю дверь или не входить совѣтчикъ. Поздравьте меня, и все-таки пожалѣйте меня.

Меня ждетъ рай, но я не вполне увѣренъ, что я заслуживаю его. Почему? Потому что мы всё смертные, потому что мы всё грѣшныя. До свиданія, моя милая Терезина. Писните въ мой будущій адресъ. Онъ называется Кумбъ Байсетъ, близъ Льютона, въ Бедфордшайръ. Мы пробудемъ тамъ цѣлый мѣсяць. Это выборъ и рѣшеніе моего Подсѣжника.

*Отъ леди Мэри Брутонъ въ Лондонѣ миссисъ
д'Арсен, британское посольство, въ Берлинѣ.*

Лѣтній сезонъ былъ ужасно скученъ; множество свадьбъ—люди всегда женятся и вы-

ходятъ замужъ, какъ бы скучнѣе ни было. Больше всего говорятъ о свадьбѣ второй дочери лорда Каусъ, лэди Глэдисъ съ княземъ Санъ Зеноне. Она одна изъ лондонскихъ красавицъ, но очень простая дѣвушка, и на самомъ дѣлѣ совершенно старомодная. Она отказала лорду Хэмпшайру и многимъ другимъ, а затѣмъ въ одну недѣлю влюбилась въ этого римлянина, который, дѣйствительно, красивъ, какъ картина. Каусу это совсѣмъ не нравилось, но онъ долженъ былъ уступить, потому что ничего не могъ сдѣлать, и онъ былъ ужасно разсерженъ, что вмѣсто этого не вышло дѣло съ Хэмпшайромъ. Хэмпшайръ это такое славное существо и его имѣнія рядомъ съ ихъ. Конечно, имъ кажется очень обидно, что этому итальянцу пришло въ голову прѣхать на лѣтній сезонъ въ Лондонъ и такъ очаровательно дирижировать котильономъ, что всѣ молодыя женщины не хотѣли смотрѣть послѣ ни на кого другого.

*Отъ лэди Мона Сень-Кларъ, въ Лондонѣ,
миссъ Брюнъ, яхта Персефона, рейдъ Шербурга.*

Свадьба вчера прошла блестяще. У насъ были шелковыя платья съ букетами орхидей. Она выглядѣла очень мило, но была бѣлая, какъ ея платье—такая гусыня! — оно было изъ сатина цвѣта слоновой кости. Онъ по-

жительно слишкомъ красивъ, и я не могу понять, что онъ нашель въ ней. Онъ подарилъ намъ всѣмъ по медальону съ ея портретомъ. Я предпочла бы, чтобы это былъ его портретъ. Мнѣ кажется, что Хэмпшайръ былъ бы лучше для нея и носилъ бы дольше, чѣмъ этотъ Ромео. Лордъ Каусъ взбѣшенъ по поводу Ромео; его возмущаетъ религія и все это, и онъ, видимо, съ трудомъ сохранялъ любезный видъ въ церкви.

Разумѣется, были двѣ церемоніи. Кардиналь согласился, наконецъ, хотя, конечно, сначала поднималъ шумъ. Я боюсь, что римскому князю скоро надоѣстъ все это. И они ѣдутъ въ Бедфоршайръ и запрутся тамъ на цѣлый мѣсяцъ. Это очень глупо съ ея стороны, особенно въ такое сырое лѣто. Я думаю, Ромео скоро начнетъ скучать, и что выборъ мѣста для медоваго мѣсяца совсѣмъ не удаченъ. Я поѣхала бы въ Гамбургъ, въ Довилль или въ Японію.

Отъ кнѣгини ди Санъ-Зеноне, Кумбъ Байсетъ, Лютонъ, въ Бедфоршайръ, графиня Каусъ, Лондонъ.

Дорогая мама,

Я такъ, такъ, такъ счастлива. Написать невозможно. Я хотѣла бы написать это, но я не могу. Онъ въ восторгѣ отъ Кумба и говорить, что зелень удивительна. Мы пріѣхали

сюда, когда садилось солнце. Всѣ дѣти изъ школы тети Кэрри собрались встрѣчать насъ съ корзинками розъ. Пьеро сказалъ, что они сами похожи на большія розы. Онъ очарованъ Англiей. Сегодня прекрасная погода, и я надѣюсь, дождя не будетъ, хотя барометръ падаетъ. Прости мнѣ такую послѣшнюю записку. Я пойду сейчасъ показывать Пьеро озеро... Я знаю, тебѣ не нравилось это, милая, но я увѣрена, что когда ты увидишь, какъ я счастлива, ты скажешь сама, что для меня на свѣтѣ нѣтъ и не можетъ быть никого, кромѣ него.

*Отъ графини Каусъ въ Лондонѣ, герцогинѣ
Дюинь, Уэйвернэйнь, Уорстаршайръ.*

Нѣтъ, признаюсь, я не одобряю этого брака. Это уведетъ ее далеко отъ насъ, и я боюсь, она не будетъ счастлива. У нея всегда были такія экзальтированныя идеи. Она со-всѣмъ не нашего времени дѣвушка.

Конечно, она была плѣнена его изящнымъ лицомъ и удивительными манерами. Его манеры, дѣйствительно, поразительны для нашихъ дней, когда у нашихъ мужчинъ нѣтъ никакихъ манеръ. А онъ можетъ быть такъ очаровательно ласковъ и почтителенъ, что плѣняетъ даже меня. Я не могу удивляться на бѣднаго ребенка, но я боюсь; искренно говорю, я боюсь! Онъ заставляетъ всѣхъ нашихъ мужчинъ казаться поденщиками.

И все это произошло съ такой страшной поспѣшностью, что у нея не было времени ни подумать, ни обсудить; и я увѣрена, что они не сказали другъ другу двухъ словъ серьезно. Ахъ, если бъ это былъ милый, славный Хэмпшайръ, котораго мы знаемъ всю жизнь и земли котораго лежать рядомъ съ нашими! Вѣроятно, это было бы черезчуръ хорошо и поэтому не могло осуществиться. И не было ни одного серьезнаго возраженія, которое мы могли бы сдѣлать противъ Санъ-Зеноне.

Когда онъ сдѣлалъ предложеніе, мы не могли отказать ему на томъ основаніи, что онъ слишкомъ красивъ и что онъ не англичанинъ. Глэдисъ пишетъ изъ Кумба, точно съ седьмого неба. Они женаты уже три дня! Но я боюсь, что впереди ее ждутъ огорченія. Онъ кажется мнѣ слабымъ, неустойчивымъ.

Я не знаю, будетъ ли онъ достаточно стоять за нее передъ своими. Правда, теперь мужчина и женщина, разъ обвиняны, очень мало видятъ другъ друга. Но Глэдисъ не принадлежитъ въ нашему времени по своимъ идеямъ. Она будетъ принимать все очень серьезно, бѣдный ребенокъ, и будетъ ожидать, что идеалія продолжится дальше медоваго мѣсяца. И она очень сильно англичанка по своимъ вкусамъ, и очень мало была за границей. Однако, всѣ молодыя дѣвушки завидуютъ ей, и только мы съ ея отцомъ видимъ маленькія черныя пятнышки на ея будущемъ.

Согласно ея желанію, они поѣхали въ Кумбъ. Я думаю, что было бы благоразумно не подвергать итальянца такому испытанію, какъ сырой англійскій іюнъ въ совершенно уединенномъ деревенскомъ домѣ.

Вы знаете, что даже наши мужчины, хотя они и находятъ утѣшеніе въ разведеніи породистыхъ свиней, сходятъ съ ума отъ скуки въ деревнѣ, когда нечего стрѣлять. И потому англичане привыкли промокать до нитки всякій разъ, какъ выйдутъ изъ дому. А онъ не привыкъ. Лордъ Каусъ говоритъ, что онъ какъ бумажное платье—очень хорошо, пока свѣтитъ солнце, но сырости не выдержитъ.

Я жалѣла, что вы не были на свадьбѣ. У Гладисъ былъ прелестный видъ. Отъ семейства Санъ-Зеноне присутствовала только Донъ-Фабриціо, младшій сынъ. Герцогиня не пріѣхала. Я думаю, что она со своей стороны такъ же ненавидитъ этотъ бракъ, какъ мы съ нашей. А я еще надѣялась, что Гладисъ рано или поздно приметъ предложеніе Хэмишайра. Но этотъ итальянецъ все испортитъ. Ну, будемъ надѣяться для нихъ на все лучшее.

*Отъ князя Пьеро ди Санъ-Зеноне, Кумбъ
Байсетъ, герцогиня дель'Аквила Фульва,
палаццо Фульва, Миланъ.*

Милѣйшая моя,

Множество соловьевъ проводятъ этотъ сезонъ въ маленькихъ зеленыхъ гнѣздахъ. Я со-

ловой въ зеленомъ гнѣздѣ. Я никогда не видалъ ничего зеленѣе моего рая. Это несомнѣнно рай. Если я чувствую себя немного не на мѣстѣ здѣсь, то это только потому, что я такой грѣшникъ. Безъ сомнѣнія, это единственная причина. Правда, въ раю холодно, это его единственный недостатокъ. Теперь шестое іюня, а у насъ топятся каминны. Каминны въ спальняхъ, каминны въ гостинныхъ, каминны по обѣмъ сторонамъ библіотеки, каминны на обоихъ концахъ зала, каминны повсюду. И не смотря на это, я дрожу. Я не могу удержаться отъ этой дрожи, и мнѣ кажется, что мы ошиблись мѣсяцемъ, что теперь декабрь, а не іюнь. Но здѣсь все очаровательно, мило; весь домъ и садъ, и все въ такомъ удивительномъ порядкѣ, точно все только вчера вынули изъ ящика. У меня такое ощущеніе, точно я все время въ церкви. Несомнѣнно, это первый, сдѣланный мною, шагъ къ добродѣтели. Но пожалуйста не думайте, что я не вполне счастливъ. Хотя безъ сомнѣнія, я сильнѣе бы ощущалъ свое счастье, если бы, вслѣдствіе постоянной сырости въ воздухѣ, мнѣ не казалось бы, что я сижу въ акваріумѣ. Глядись очаровательна во всѣхъ отношеніяхъ, и если бы она не такъ легко пугалась всего, она была бы совершенствомъ. Меня именно околдовалъ въ началѣ этотъ ея видъ альпійскаго цвѣтка. Но нельзя же вѣчно быть альпійскимъ цвѣткомъ. Я хотѣлъ узнать, что представляетъ

изъ себя сѣверная женщина. Теперь я знаю. Она восхитительна, но немного монотонна и немного жеманна. О, конечно, она никогда не скомпрометируетъ меня, но она также никогда не дастъ мнѣ самому скомпрометтировать себя. А это будетъ ужасно! Я чувствую, что я неблагодаренъ; всѣ мужчины неблагодарны. Но развѣ это не вина женщинъ? Видите, даже ангель можетъ стать утомительнымъ, если никогда не выходитъ изъ тѣни его крыльевъ. А здѣсь въ Кумбъ Байсетъ крылья ангела закрываютъ весь горизонтъ.

Отъ герцогини дель'Аквила Фумва, палацио Фумва, Миланъ, князю Пьеро ди Санъ-Зеноне, Кумбъ Байсетъ, Англія.

Милый мой Пьерино,

Увѣрены-ли вы, что ваша жена ангель? Самыхъ обыкновенныхъ женщинъ часто называютъ ангелами.

«Она ангель»—это вѣжливое выраженіе того, что съ ней скучно. И при томъ я не увѣрена, чтобы мнѣ самой понравилось жить съ настоящимъ ангеломъ. Слишкомъ много крыльевъ, какъ вы говорите. И зачѣмъ вамъ понадобилось жениться на англійской дѣвушкѣ? Вѣроятно, у нея настолькоъ хорошій характеръ, что она никогда и ни въ чемъ не противорѣчитъ вамъ. И вы дѣлаетесь раздражительнымъ просто потому, что вамъ надоѣдаетъ, что

все дѣлается по-вашему. Если бы вы женились на Николеттѣ, какъ я хотѣла, она бы двѣнадцать разъ на недѣлѣ нападала на васъ, какъ тигрица. И это заставляло бы васъ быть насторожѣ и стараться нравиться ей. Мы знаемъ, что нужно нашимъ мужчинамъ. Мнѣ, право, часто хочется написать вашей женѣ и сказать ей, что ни одинъ итальянецъ не будетъ чувствовать себя хорошо, если ему два раза въ день не драть уши. Если бы ваша жена временами умѣла дѣлаться неприятной, вѣроятно, вы обожали бы ее. Но большая ошибка, милый Пьерино, смѣшивать бракъ съ любовью. Это двѣ вещи совершенно разныя. И въ дѣйствительности, между ними такъ же мало общаго, какъ между конскимъ каштаномъ и каштановой лошадыю. Мнѣ кажется, что ваше сырое англійское гнѣздо очень скоро заставитъ васъ почувствовать эту истину.

Отъ княгини ди Санъ-Зеноне Кумбъ Байсетъ,—лэди Гвэндоленъ Дормеро, британское посольство въ Вѣннѣ.

Милая Гвенъ,

Я знаю, я обѣщала написать тебѣ сейчасъ же и рассказать все. И вотъ уже прошла цѣлая недѣля, и я не могла писать, въ самомъ дѣлѣ не могла. И даже теперь я не знаю, съ чего мнѣ начать. Мнѣ кажется, я, въ самомъ дѣлѣ, очень старомодна. Можетъ быть, мнѣ не

слѣдовало настаивать на томъ, чтобы ѣхать въ Кумбъ Байсетъ, по крайней мѣрѣ всѣ говорили, что это глупо. Несси Фицъ-Джеральдъ вернулась въ Лондонъ и была въ театрѣ меньше чѣмъ черезъ недѣлю послѣ свадьбы. Положимъ, она вышла замужъ въ октябрѣ и ни капельки не любила его. Вѣроятно, это и составляетъ всю разницу. Но мнѣ казалось гораздо естественнѣе запереться гдѣ-нибудь. И Пьеро думалъ такъ же. Но я боюсь теперь немного, что ему можетъ показаться здѣсь скучно. Видишь, мы такъ мало знаемъ другъ друга. Мы танцевали котильонъ нѣсколько разъ и черезъ недѣлю, какъ познакомились, уже любили другъ друга, а черезъ мѣсяць мы уже обвѣнчались. Папа былъ противъ этого брака, потому что это не былъ Берлингтонъ или лордъ Хэмпшайръ. Но препятствовать онъ тоже не могъ, потому что Санъ-Зеноне это такая большая фамилія и весь свѣтъ знаетъ ихъ, и они, кромѣ того, что итальянскіе князья, еще испанскіе герцоги. И Пьеро такой джентльменъ.—Но я хочу сказать про то, что, встрѣтившись среди сутолоки лѣтняго сезона,—все балы, обѣды, гарденъ-парты и завтраки,—мы совершенно ничего не успѣли узнать другъ о другѣ, ни о вкусахъ другъ друга, ни о привычкахъ, ни о характерѣ. И когда, въ первое утро въ Кумбѣ, мы вдругъ поняли, что мы вмѣстѣ на всю жизнь, мы оба почувствовали себя довольно странно. Мы обожаемъ

другъ друга, но мы не знаемъ, о чемъ говорить. Мы никогда раньше не говорили, у насъ не было времени. И мнѣ кажется, что онъ чувствовалъ то же самое. Я боюсь, что онъ страшно скучаетъ. Я сказала ему это, и онъ отвѣтилъ мнѣ—«Мой ангелъ, ваши очаровательные соотечественники не скучаютъ въ деревнѣ потому, что они все время ѣдятъ. Сначала они ѣдятъ за первымъ завтракомъ, потомъ ѣдятъ за вторымъ завтракомъ, потомъ ѣдятъ за обѣдомъ. Все время ѣдятъ. А у меня нѣтъ этого ресурса. Дайте мнѣ немного кофе и немного вина и мнѣ достаточно ѣсть одинъ разъ въ день. Вы не сказали мнѣ, что отъ меня ожидаютъ здѣсь, что я долженъ буду поглощать пищу, какъ крокодилъ». Это онъ говорить послѣ нашихъ обѣдовъ. Воображаю, что онъ сказалъ бы, если бы увидалъ завтракъ компаніи охотниковъ. И я думаю, что онъ правъ. Жизнь, дѣйствительно, слишкомъ матеріальна въ Англии. Но ты знаешь, онъ не хотѣлъ надѣвать фракъ къ обѣду, потому что мы одни. Какъ будто это основаніе! Я сказала ему, что будетъ имѣть очень странный видъ для слугъ, если онъ не будетъ одѣваться. И съ тѣхъ поръ онъ одѣвается. Но онъ сказалъ мнѣ, что все это скука, и что мы англичане всѣмъ жертвуемъ . пустякамъ, формѣ и вѣщности. Мнѣ кажется, что въ этомъ много правды. Сколько людей мы знаемъ, которые и безъ того бѣдны, а ради того, чтобы поддержать

внѣшность, залѣзають въ долги по уши! А потому сколько народа ходитъ въ церковь для вида, хотя они не вѣрятъ ни капельки и даже сами скажутъ вамъ за завтракомъ, что не вѣрятъ. Мнѣ кажется, что итальянцы честнѣе насъ въ этомъ отношеніи. Пьеро говорить, что когда они бѣдны, они не стѣсняются говорить это,—и когда у нихъ нѣтъ вѣры, они не стараются показать, что она есть. Пьеро говорить, что мы, англичане, портимъ свою жизнь, потому что считаемъ своимъ долгомъ представляться не тѣмъ, что мы есть. Ну разве это не важно? Я увѣрена, что ты придешь въ восторгъ отъ всего, что онъ говорить. Онъ такъ оригиналенъ, въ немъ такъ мало условностей. Наши считаютъ его невѣжественнымъ, потому что онъ ничего не читаетъ и не говоритъ о политикѣ. Но я могу увѣрить тебя, что онъ такъ же уменъ, какъ кто угодно. Но онъ не беретъ свои идеи изъ газетъ и не повторяетъ, какъ попугай, то, что сказалъ глава партіи. Мнѣ очень бы хотѣлось, чтобы ты пріѣхала и увидала его. Какъ нелюбезно было съ твоей стороны заболѣть какъ разъ во время моей свадьбы. Ты знаешь, я только съ одной тобой могу говорить вполне откровенно. Дѣвочки еще слишкомъ молоды, а мама не понимаетъ. Она никакъ не могла понять, почему я не хотѣла выходить замужъ за этого бѣднаго Хэмпшайра. Она постоянно говорить, что я полюбила бы его со временемъ.

Я не думаю, чтобы мама могла когда-нибудь любить кого-нибудь. Удивляюсь, зачѣмъ она вышла замужъ.

Отъ князя Пьеро ди Санъ-Зеноне, Кумбъ Байсетъ, графу Вадзари, итальянское посольство въ Лондонъ.

Милый Джиги,

Пожалуйста пришли мнѣ всѣ новые французскіе романы, какіе только можно достать, и ящикъ турецкихъ папирось. Я въ раю. Но въ этомъ раю немного скучно и въ высшей степени сыро. Неужели въ этой странѣ постоянно идетъ дождь. Теперь дождь идетъ безъ остановки семнадцать съ половиной дней. Я самъ на себя произвожу впечатлѣніе жаворонка, сидящаго въ зоологическомъ саду подъ проволочной сѣткой на небольшомъ квадратикѣ мокрой травы. Мнѣ хотѣлось бы удрать въ Лондонъ. У васъ тамъ Жанна Гранье и другія. Но мнѣ кажется, что это было бы противъ всѣхъ правилъ медоваго мѣсяца. Но что это за странное учрежденіе, медовый мѣсяць. Кто первый изобрѣлъ его?

Отъ князя ди Санъ-Зеноне, Кумбъ Байсетъ, герцоини дель'Аквила Фульва, палацио Фульва, Миланъ.

Милая Терезина,

Мнѣ слѣдовало бы вамъ написать давно, но вы знаете, я не люблю писать. А также, на

самомъ дѣлѣ, мнѣ нечего сказать. У счастливыхъ людей нѣтъ исторіи. Я принадлежу къ счастливымъ людямъ.

Двѣ недѣли тому назадъ я былъ сдѣланъ счастливымъ и остаюсь до сихъ поръ. Нахожу это ощущеніе нѣсколько монотоннымъ. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ можно разнообразить счастье, кромѣ какъ тѣмъ, что время отъ времени ссориться? А тогда это больше уже не будетъ счастьемъ. Счастье похоже на яичницу, которая должна быть на сковородкѣ и только что сдѣлана. Не думайте, что я неблагодаренъ по отношенію къ судьбѣ, или къ очаровательной невинности, которая стала моей подругой. Но у насъ нѣтъ двухъ общихъ идей. Она очень мила, на нее очень пріятно смотрѣть, ласкать ее, обожать. Но о чемъ мнѣ говорить съ ней, признаюсь, я не имѣю ни малѣйшаго представленія. Никогда не слѣдуетъ заставлятъ любовь находить темы для разговоровъ за обѣдомъ. Любовь должна влѣзть по лѣстницѣ на балконъ и потомъ, когда экстазъ проходитъ, удаляться по тому же пути. Мнѣ кажется, что она умнѣе меня, но такъ какъ это открытіе было бы фатальнымъ для нашего спокойствія, то я стараюсь не показывать, что я его сдѣлалъ. На самомъ дѣлѣ, у нея необыкновенно мягкій и хорошій характеръ, настолько мягкій, что иногда онъ сердитъ меня, потому что онъ не даетъ никакихъ извиненій для моего нетерпѣнія. Она божественна, изысканна, похожа на

нимфу; но увы, жеманна и застѣнчива! Вы не можете представить себѣ, до какой степени ее легко шокировать.

Жить съ ней, это значитъ ходить по яичнымъ скорлупамъ.

Конечно, это очень мило въ женѣ, но это совсѣмъ не забавно.

Сначала это меня забавляло, но теперь мнѣ это кажется недостаткомъ. Она привезла меня въ это страшно сырое и ужасно зеленое мѣсто, гдѣ идетъ дождь день и ночь.

Здѣсь библіотека безъ романовъ, погребъ безъ абсента, кухня безъ томатовъ, безъ чеснока и безъ оливковаго масла.

Здѣсь все въ такомъ удивительномъ порядкѣ, что иногда я чувствую себя въ какомъ-то исправительномъ заведеніи. Здѣсь есть нѣсколько чудныхъ лошадей, и цѣлые акры земли заняты теплицами, въ которыхъ растутъ фрукты, которыми въ Италіи кормятъ свиней. Мы ѣдимъ почти цѣлый день; больше дѣлать нечего.

Кругомъ все зелено. Зелено, какъ шпинатъ. Нѣтъ никакого разнообразія, ни темныхъ кипарисовъ, ни оливъ. Я понимаю теперь, почему англійскіе художники любятъ кричащіе цвѣта.

Красотъ, которыя не кричатъ, вы совсѣмъ не увидите въ этой водянистой туманной атмосферѣ. Поэтому милосердное Провидѣніе и создало этотъ пейзажъ въ родѣ шпината. Другого здѣсь не было бы видно.

Воздухъ здѣсь ложится на меня, какъ мокрая губка. Разъ, когда я былъ еще мальчишкой, я спускался въ подводномъ колоколѣ. Въ этой странѣ я именно чувствую себя опять въ подводномъ колоколѣ. Этотъ мошенникъ Тониелло, котораго можетъ быть вы помните въ роли моего Лепорелло, забавляется тѣмъ, что ухаживаетъ за всеми хорошенькими дѣвушками въ селѣ. Я не имѣю права дѣлать этого. Впрочемъ, онѣ не очень красивы здѣсь.

У нихъ очень большіе зубы и длинная верхняя губа. Но кожа удивительна. Вообще, нигдѣ на свѣтѣ нѣтъ такой лошадиной и женской кожи, какъ въ Англии.

Отъ княгини ди Санъ-Зеноне, Кумбъ Байсетъ, леди Гвэндоленъ Чичестеръ, британское Посольство въ С.-Петербурѣ.

Онѣ смѣялся надо мной вчера, потому что я ходила въ церковь, и на самомъ дѣлѣ я пошла туда только потому, что считала, что это *нужно*. Мы здѣсь уже двѣ недѣли. И я ни разу не была въ церкви до вчерашняго дня, а ты знаешь, какъ на это серьезно смотритъ твоя Керри. И это ея домъ.

Вчера было второе воскресенье, какъ мы здѣсь, и я рѣшила, что нужно пойти. Въ церкви было ужасно торжественно и пустынно. Всѣ смотрѣли на меня, и маленькія дѣвочки хихикали подѣ своими чепчиками. Этотъ ми-

мый мистеръ Коатъ сказалъ проповѣдь о бракѣ. Конечно, это было очень любезно съ его стороны, но какъ бы я хотѣла, чтобы онъ этого не дѣлалъ!

Когда я вернулась, Пьеро игралъ на бильярдѣ со своимъ человѣкомъ. Удивляюсь, что подумалъ бы о немъ мистеръ Коатъ. Здѣсь такая прелестная зеленая аллея отъ дома до церкви не больше двадцати ярдовъ длиной и вся усаженная фукціей. Даже Пьеро соглашается, что это очень мило. Только онъ говорить, что это похоже на виньетку. Возможно, что онъ правъ. «Нельзя видѣть горизонта», говорить онъ, точно жалуясь, и его чудные блестящіе глаза смотрять такъ, какъ будто имъ нужны безконечныя моря свѣта, черезъ которыя они могли бы проникать. Когда я спросила его вчера, что онъ думаетъ объ Англіи, какъ ты думаешь, что онъ сказалъ? Онъ сказалъ:—«моя милая я думаю, что это была бы самая восхитительная страна, если бы въ ней была одна пятая часть ея населенія, половина домовъ, одна десятая обѣдовъ, четвертая часть машинъ, ни одной фабрики и совершенно другая атмосфера!» Мнѣ кажется, это значить, что Англія не нравится ему. А онъ мнѣ кажется все красивѣе. Я посылаю тебѣ его фотографію, но это не можетъ дать никакого понятія о немъ. Онъ похожъ на свою собственную фарфоровую статую. Мы пріѣхали въ Кумбъ Байсетъ сейчасъ же послѣ свадьбы.

И съ тѣхъ поръ мы здѣсь. Я могла бы остаться здѣсь навѣки. Такая прелесть эти Бедфордшайрскіе лѣса въ срединѣ іюня. Но я боюсь немного, — самую чуточку, — что Пьеро можетъ соскучиться со мной. Я, я и только я, — ничего, кромѣ меня. Онъ ангель. Утромъ мы ѣздимъ верхомъ. Вечеромъ поемъ и играемъ. Мы обожаемъ другъ друга всѣ двадцать четыре часа. Я удивляюсь теперь, какъ я могла жить безъ него. Мнѣ такъ хочется видѣть все, о чемъ онъ рассказываетъ мнѣ, его огромные мраморные дворцы, его неизмѣримыя, похожія на сны, виллы, его сады со множествомъ статуй и удивительное итальянское небо надо всѣмъ этимъ. Онъ говоритъ, что въ Англіи вѣчно сумерки.

Мнѣ кажется, теперь такъ странно, что въ наши дни, когда всѣ знаютъ все и бываютъ вездѣ, я ни разу не была въ Италиі. Ланччано, самый большой изъ его большихъ дворцовъ, долженъ быть похожъ на поэму. Это огромное зданіе изъ мрамора разныхъ цвѣтовъ среди кипарисовыхъ рощъ на склонѣ горы съ водопадами, — съ садами разбитыми по плану Джуліо Романо, и съ храмами, существовавшими во времена Горація.

Я хочу видѣть все это. И въ то же время я надѣюсь, что онъ не захочетъ скоро уѣзжать изъ Кумбъ Вайсетъ. Никакое другое мѣсто не можетъ быть такъ хорошо, какъ то, гдѣ первый разъ сталъ счастливымъ. И кромѣ

того, мнѣ кажется, что у меня лучше видѣ въ уютныхъ комнаткахъ тети Кэрри, съ ихъ старинной мебелью и запахомъ сухихъ розовыхъ листьевъ, — чѣмъ было бы въ мраморныхъ дворцахъ, куда нужна Семирамида или Клеопатра. На счетъ меня шумѣли въ Лондонѣ, но я сама никогда не думала много о себѣ. И я боюсь, что я могу казаться скучной Пьеро, который самъ такой блестящій и у котораго столько талантовъ. Ты знаешь, я никогда не была особенно умной, и въ самомъ дѣлѣ — я не имѣю никакого понятія, о чемъ говорить съ нимъ, когда мы не говоримъ другъ о другѣ. И потому погода раздражаетъ его. Кажется, не было ни одного сухого дня, съ того времени, какъ мы приѣхали. И, конечно, итальянцу здѣсь кажется очень сѣро и холодно. — «Не можетъ быть, что бы это былъ июнь!» говоритъ онъ нѣсколько разъ въ день. И когда цѣлый день идетъ дождь, что бываетъ очень часто, я вижу, что онъ дѣлается нетерпѣливымъ. Онъ не любитъ читать и очень любитъ игру на биллиардѣ. Къ сожалѣнію, я играю такъ плохо, что не могу быть ему сколько-нибудь интереснымъ партнеромъ. И хотя онъ, какъ я тебѣ писала, поетъ божественно, онъ поетъ совершенно, какъ птица, — когда на него находить настроеніе, но совершенно не интересуется музыкой, какъ наукой.

Когда я сказала это ему, онъ началъ смѣяться и сказалъ, что музыка такая же

наука, какъ любовь. И можетъ быть, любовь на самомъ дѣлѣ должна быть наукой, иначе она слишкомъ не долго длится. Въ селѣ произошелъ скандалъ, устроенный его камердинеромъ Тоньелло. Взбѣшенный отецъ явился къ намъ сегодня утромъ. Его зовутъ Джонъ Вестъ,—это одинъ изъ самыхъ богатыхъ фермеровъ тети Кэрри. Онъ былъ въ такой страшной ярости, и я должна была говорить съ нимъ, потому что, конечно, Пьеро не понималъ его. Когда же я перевела, что онъ говорилъ, Пьеро началъ хохотать, такъ что у него выступили слезы, предложилъ ему папиросу, и назвалъ его «сыночекъ». И отъ всего этого мистеръ Вестъ сдѣлался совершенно пурпуровый отъ бѣшенства и ушелъ еще въ большой ярости, чѣмъ пришелъ, говоря, что онъ расправится съ «папистомъ». Боюсь, что все это будетъ страшно неприятно тетѣ Кэрри. Это было такое образцовое село. Ни одного трактира, ближе какъ въ шести миляхъ, и всѣ дѣвушки такія тихія, скромныя. Но этотъ ужасный римскій лакей, со своими звѣздистыми глазами, со своей мандолиной и со своей дерзостью явился, какъ Мефистофель въ оперѣ, въ это уединенное и невинное село.

Я прошу Пьеро отослать его, но онъ смотритъ на меня съ невыразимомъ упрекомъ и заявляетъ, что онъ не можетъ жить безъ Тоньелло. Что я могу на это сказать?

нишь однимъ. Мнѣ не нужно никого другого, никакого другого интереса, никакой другой мысли.

Отъ леди Гвэндоленъ Чичестеръ, британское посольство, С.-Петербургъ, — княгини ди Санъ-Зеноне, Кумбъ Байсетъ.

Конечно, тебѣ не нужно ничего другого, потому что ты женщина. Санъ-Зеноне сталъ твоимъ богомъ, твоимъ идоломъ, твоимъ идеаломъ, твоей вселенной. Но ты только одна изъ многихъ женщинъ, которыя понравились ему. И къ тому удовольствію, которое ты даешь ему, присоединено очень неудобное сознаніе, что онъ никогда не будетъ въ состояніи уйти отъ тебя. Я теряю терпѣніе съ женщинами, которыя говорятъ: — «если онъ меня любитъ»; и потомъ: — «онъ меня не любитъ». Если онъ не любитъ, то это почти всегда вина женщины. Вѣроятно, она мучила его. Любовь умираетъ немедленно, если ее начать мучить. Умираетъ естественной смертію. Вѣдная Глэдисъ. Ты всегда была хорошимъ ребенкомъ. Всегда была такъ предана своимъ старушкамъ, маленькимъ сироткамъ, калѣкамъ и миссіонерамъ. И вдругъ ты попала въ руки бездушнаго итальянца, который читаетъ цѣлый день французскіе романы. Но, моя милочка, во имя самаго разсудка, чего ты отъ него ожидала. Не могла же ты думать, что начнетъ мечтать

услышать какого-нибудь знаменитаго англійскаго проповѣдника, учить итальянскому языку маленькихъ калѣкъ, или пѣть съ гитарой въ пользу лондонскихъ сиротъ? Будь разсудительна и дай твоей бѣдной птичкѣ, посаженной въ клѣтку, вылетѣть изъ Кумбъ Байсетъ. Если ты будешь тюремщицей, заключенный рано или поздно станетъ тебя ненавидѣть.

Отъ князя ди Санъ-Зеноне, Кумбъ Байсетъ, — герцога дель'Аквила Фульва, Миланъ.

Я все еще нахожусь въ моемъ ящикѣ съ мокрымъ мохомъ. Я здѣсь уже двѣ недѣли, четыре дня и одиннадцать часовъ. Я прочиталъ всѣ романы, которые получилъ. Ежедневно утромъ, отъ первой до послѣдней строчки, отъ заголовка до адреса типографіи, я прочитываю *Фигаро*. Потомъ я выкуриваю по двадцать папиросъ въ двадцать минутъ и зѣваю по столько же разъ. Это рай, я знаю это. Я говорю себѣ это, — но все-таки я не могу удержаться, я зѣваю. Здѣсь есть блѣдное, водянистое солнце, съ какимъ-то припадочнымъ свѣтомъ. Здѣсь есть множество мокраго сѣна, которое сушатъ на искусственныхъ сушилкахъ. Есть большой выборъ грязныхъ аллей и дорогъ, по которымъ можно ѣздить верхомъ. Есть почтовая контора въ семи миляхъ и телеграфная контора въ пятнадцати миляхъ за ней.

Въ общемъ не очень оживленно. Когда вы выходите, вы видите очень гладкую скотину, очень бѣлыхъ овецъ и очень жирныхъ дѣтей. Время отъ времени вы встрѣчаете земледѣльцевъ, широкоплечихъ и мрачныхъ. Иногда вы встрѣчаете грузовой моторъ, и куда ни посмотрите, вы видите вдали шпиць церковной колокольни. Все это довольно мирно, кромѣ паровой машины, ѣдущей по дорогѣ, но не особенно веселитъ или оживляетъ. Вы не будете удивляться, что я скоро прочиталъ свои французскіе романы. Французскіе романы помогли мнѣ открыть, что мой ангелъ очень легко конфузится. Въ самомъ дѣлѣ она свертывается отъ одного прикосновенія, какъ мицоза. Я не представилъ себѣ, что она можетъ быть святой, когда увидѣлъ ее съ чашкой чая на берегу Темзы. Правда, и тогда у нея былъ очень милый видъ *не тронь меня*, но я полагалъ, что это пройдетъ. Между тѣмъ это не проходить. И когда я захотѣлъ, чтобы она посмѣялась вмѣстѣ со мной надъ книжкой Жипъ «Вокругъ брака», она покраснѣла до самыхъ бровей и оскорбилась. Что мнѣ дѣлать? Я не святой. И не могу представляться святымъ. Я не хуже другихъ мужчинъ, но я люблю все забавное, и я не могу идти черезъ всю жизнь съ пѣніемъ покаянныхъ псалмовъ.

Я боюсь, что мы будемъ ссориться. Вы думаете, что это полезно. Но есть ссоры и ссоры. Нѣкоторыя очищаютъ воздухъ, какъ гроза,

другія совсѣмъ наоборотъ. Наши ссоры — это маленькія раздражающія несогласія, которыя кончаются тѣмъ, что она раздражается слезами, а я имѣю смѣшной видъ и чувствую себя звѣремъ. Она плакала уже много разъ за послѣднюю недѣлю. Мнѣ кажется, что если бы она приходила въ ярость, какъ, вы говорите, стала бы дѣлать Николетта, и какъ, вы могли бы прибавить, стали бы дѣлать вы сами, это, конечно, поднимало бы меня всего, я готовъ былъ бы ударить ее, но кончалъ бы тѣмъ, что покрывалъ бы ее поцѣлуями. Но она только смотритъ на меня, какъ умирающая серна, начинаетъ плакать и выходитъ изъ комнаты. Потомъ она появляется опять, сважемъ къ обѣду, или къ этой странной церемоніи, которая называется пятичасовой чай, — съ видомъ замѣнучести, печали и упрёка, точно мученица, — мягко отвѣчаетъ на всѣ мои вопросы и опять заставляетъ меня чувствовать себя звѣремъ. Англичане умѣютъ долго дуться. Мы хватаемся за книжки въ одинъ моментъ, но въ слѣдующій моментъ цѣлуемся. Мы болѣе страстны, но болѣе любезны. Я хочу уѣхать отсюда, въ Парижъ, въ Трувиль, куда-нибудь. Но я не рѣшаюсь прямо предложить это. Я только дѣлаю ловкіе намеки. Если я умру отъ скуки и меня похоронятъ подъ мокрымъ мохомъ, поплачьте надо мной.

*Отъ княгини ди Санъ-Зеноне, Кумбъ Бай-
сетъ—лэди Гвэндоленъ Чичестеръ, С.-Пе-
тербургъ.*

Въ Кумбѣ такъ мило сейчасъ. Иногда правда идетъ дождь, но отъ одного дожда до другого восхитительно. Я попросила Пьеро выйти со мной послушать соловья; въ саду въ самомъ дѣлѣ поетъ соловей. Но онъ засмѣялся надо мной. «У насъ сотни и тысячи соловьевъ кричатъ день и ночь въ Ланчяно, сказалъ онъ. Но мы не обращаемъ на нихъ никакого вниманія. Мы ѣдимъ ихъ въ паншетахъ; и они очень вкусны». Подумай только, съѣсть соловья! Это все равно, что съѣсть Ромео и Джульетту. Пьеро получилъ изъ Лондона множество французскихъ книгъ и лежитъ на диванѣ и читаетъ ихъ. Онъ хотѣлъ, чтобы я слушала разныя смѣшныя вещи изъ этихъ книгъ, но мнѣ онѣ показались неприличными, и я не стала. Онъ называлъ меня жеманной и разсердился. А я не понимаю, почему онъ не можетъ смѣяться одинъ, не рассказывая мнѣ, отчего онъ смѣется. Я не люблю подобныя вещи. И я ужасно боюсь, что ни о чемъ, кромѣ него, не буду въ состояніи думать всю жизнь, а онъ — онъ вчера зѣвнулъ при мнѣ. Папа сказалъ мнѣ передъ нашей свадьбой:—«милая дѣвочка, Санъ-Зеноне набралъ множество пару, но немного по-

года онъ замедлитъ ходъ. Поэтому не сердись, если ты заметишь маленькое охлажденіе!» — Папа говоритъ всегда такъ странно. Я часто не понимаю его метафоръ. Но на этотъ разъ я поняла, что онъ хотѣлъ сказать. Никто не могъ долго любить такъ, какъ любилъ Пьеро. Ахъ, милая, это уже прошлое! Нѣтъ, я не могу сказать, что это все въ прошломъ. Онъ еще часто бываетъ Ромео и поетъ мнѣ божественнѣйшія пѣсни о любви, лежа на подушкахъ у моихъ ногъ, при лунномъ свѣтѣ. Но онъ не совсѣмъ такой, какой былъ въ началѣ. Сегодня утромъ онъ нашелъ недостатки въ одномъ изъ моихъ платьевъ. Я ужасно боюсь, что онъ скучаетъ въ Кумбѣ. Я пріѣхала сюда, потому что я хотѣла уйти съ нимъ отъ всего свѣта. И того же самого хотѣлъ онъ. И я увѣрена, что нигдѣ на свѣтѣ не можетъ быть лучшаго гвѣздышка для любви, чѣмъ Кумбъ въ серединѣ лѣта. Ты помнишь розовый садъ и липовыя аллеи и развалины часовни около маленькаго озера? Когда тетя Кэрри предложила мнѣ поѣхать сюда на іюнь, я была въ восторгѣ, но теперь я начинаю бояться, что это была ошибка. Онъ чувствуетъ себя здѣсь не на своемъ мѣстѣ. Вчера я плакала немного. Это было очень глупо, но я не могла удержаться. Онъ сначала смѣялся надо мной, а потомъ разсердился:—«чего ты хочешь, въ концѣ концовъ», сказалъ онъ.—«Вѣдь я же твой, слишкомъ даже твой!» И мнѣ показа-

лось, что онъ жалѣеть, что онъ мой. Я сказала ему это, и онъ разсердился еще больше. Это было, кажется, именно то, что называютъ сценой. Черезъ пять минутъ онъ уже раскаивался и ласкалъ меня такъ, какъ, вѣроятно, только онъ одинъ умѣетъ ласкать. Выглянуло солнце, мы пошли въ лѣсъ и слушали соловья. Но воспоминаніе объ этомъ до сихъ поръ беспокоитъ меня. Если онъ можетъ такъ говорить черезъ мѣсяць, что же будетъ черезъ годъ? Я не думаю, чтобы я была очень наивна. Я наблюдала людей два сезона въ Лондонѣ, и раньше столько видишь въ этихъ помѣщичьихъ домахъ. Я знаю, что послѣ свадьбы мужъ и жена всегда рады отдѣлаться другъ отъ друга—и всегда флиртуютъ съ другими. Но я почувствовала бы себя очень несчастной, если бы подумала, что когда нибудь это можетъ быть у меня съ Шеро. Я обожаю даже его тѣнь, и онъ обожаетъ—или обожалъ—меня. Почему это должно иѣняться? Почему это не можетъ продолжаться вѣчно, какъ въ стихахъ? И почему, если это не можетъ продолжаться, люди лучше не умираютъ?

Отъ лэди Гвэндоленъ Чичестеръ, С.-Петербургъ, — княгини ди Санъ-Зеноне, Кумбъ Байсетъ.

Какая глупенькая ты, моя милая Глэдисъ! Ты всегда была такой. На все, что ты гово-

ришь, я могу отвѣтить только одно. *Это давно известно.*—Когда дѣвушки романтичны, какъ ты всегда была (хотя это на много вѣковъ отстало отъ нашего времени)—онѣ всегда ожидаютъ, что мужа останутся возлюбленными. Но, моя милочка, ты съ такимъ же успѣхомъ можешь ожидать, чтобы сѣно осталось травой. Папа былъ совершенно правъ. Когда набрано слишкомъ много пару, онъ долженъ постепенно выйти. И я боюсь также, что вы начали со страсти и съ восторга, со взаимнаго обожанія и со всего прочаго, что совершенно, совершенно вышло изъ моды. Теперь никто не чувствуетъ такъ. Никто не можетъ быть черезчуръ сильно любимъ. Симпатія, это самое большое, что теперь можно видѣть. Но ты всегда была такой глуленькой. И потому ты вышла замужъ за итальянца и ожидаешь, что все это будутъ балконы, гитары, лунный свѣтъ и прочее. Я считаю вполне естественнымъ, если ему хочется въ Парижъ. Тебѣ совсѣмъ не слѣдовало везти его въ Кумбъ. Я помню розовые сады и липовыя аллеи и разваленны. И я помню, что меня послали туда послѣ того, какъ я очень сильно флиртовала съ молодымъ Филиппомъ Ру изъ министерства дѣлъ, къ сожалѣнiю не имѣвшимъ никакихъ доходовъ. Ты тогда была еще совсѣмъ ребенкомъ—но я помню, какъ въ Кумбѣ я чуть не дошла до самоубійства отъ скуки. И съ тѣхъ поръ я не могу вы-

носить запаха ливня. Отъ всей души я симпатизирую князю, если ему хочется уѣхать отсюда. Для него тамъ цѣлый день совершенно нечего дѣлать, кромя какъ курить. По фотографіи, которую ты прислала, онъ удивительно красивъ. Но нельзя, моя дорогая, цѣлую жизнь прожить съ однимъ профилемъ.

Отъ княгини дн Санъ-Земоне, Кумбъ Байсетъ—лэди Гвэндоленъ Чичестеръ, С.-Петербургъ.

Потому что почти всѣ англичане курносы, англичанки всегда думаютъ, что въ хорошемъ профилѣ есть что-то обманчивое и безразличное. Но, во всякомъ случаѣ, ты должна допустить, что на изящный профиль пріятнѣе смотрѣть. Все еще идетъ дождь, ужасный дождь. Луга совершенно мокры. Сѣно не могутъ высушить, а мы не можемъ выйти изъ дому. Шеро курить и зѣваетъ. Онъ искалъ въ библіотекѣ французскихъ романовъ, но не нашелъ ничего, кромя Жюль Верна и добродѣтельныхъ повѣстей миссесъ Крейвенъ. Я боюсь, что вы съ мамой правы. Кумбъ, въ сырой іюнѣ, не подходящее мѣсто для римлянина, который знаетъ Парижъ наизусть и не любить деревни вообще, гдѣ бы то ни было. Наша жизнь имѣетъ такой видъ, что какъ будто мы только ѣдимъ и ничего не дѣлаемъ. Я надѣваю резиновое пальто и высокие баш-

маки и мнѣ нѣтъ никакого дѣла до дождя. Но онъ прямо кричитъ, когда видитъ меня въ ульстерѣ. — «У тебя въ этой штукѣ фигура, какъ у болонской сосиски», говоритъ онъ мнѣ. И, конечно, онъ правъ, потому что ульстера, дѣйствительно, очень безобразны. Но я помню, какія восхитительныя двѣ недѣли мы провели съ герцогиней во время путешествія на лошадяхъ по Уэстмису. Мы все время были въ резиновыхъ пальто, и все время шелъ дождь. Мы останавливались ночевать въ маленькихъ гостиницахъ и, пока мы спали, наши платья сушились. Это было необыкновенно весело. Герцогъ правилъ лошадьми. Но Пьеро не любитъ подобныя вещи. Онъ боится дождя, какъ котъ. Онъ любитъ рано заператься дома, зажигать газъ и забывать про дождь, грязь и туманъ на дворѣ. Онъ говоритъ, что, вѣроятно, въ календарѣ вышла ошибка и что теперь не июнь, а ноябрь. Я мѣняю три платья въ день, какъ будто у насъ въ домѣ гости. Но я чувствую, что кажусь ужасно монотонной ему. Я боюсь, что я никогда не была особенно веселой. Я всегда завидую женщинамъ, которыя умѣютъ заставлять мужчинъ хохотать по поводу всякихъ пустяковъ. Онѣ точно носятъ съ собой какую-то веселящую атмосферу. Я не думаю, что это идеальный сортъ женщинъ, но онѣ умѣютъ забавлять мужчинъ. Я отдала бы двадцать лѣтъ жизни, чтобы только умѣть забавлять Пьеро. Онъ обожаетъ

меня, но это совсѣмъ другое. Это не мѣшаетъ ему трести барометръ и зѣвать. Онъ кажется счастливѣе всего, когда говоритъ по итальянски со своимъ камердинеромъ Тоньелло. Тоньелло иногда разрѣшается играть съ нимъ на бильярдѣ. Это такой веселый, живой итальянецъ-римлянинъ съ великолѣпными глазами. Въ него влюблены всѣ горничныя и всѣ дочери фермеровъ вокругъ Кумба, и я уже писала тебѣ, что у него вышелъ скандалъ съ дочерью одного изъ лучшихъ арендаторовъ, мистера Джона Бестъ. Всѣ молодые люди въ Бедфордѣ клянутся отомстить ему, но онъ играетъ на своей мандолинѣ, поетъ высокимъ голосомъ итальянскія пѣсни и не обращаетъ ни капельки вниманія, что буфетчикъ готовъ убить его, что конюхи избили бы его кнутами, если бы только рѣшились, и что молодые фермеры собираются утопить его въ пруду.

Тоньелло очень любитъ своего господина, но на меня его симпатія не простирается. Ты помнишь миссисъ Стивенсъ, идеальную домоправительницу тети Каролины? Тебѣ слѣдовало бы посмотреть ея лицо, когда ей случается увидѣть, какъ Пьеро смѣется и болтаетъ съ Тоньелло. Мнѣ кажется, она думаетъ, что наступилъ конецъ свѣта. Пьеро зоветъ Тоньелло «сыночекъ», или «мой милый», точно они братья. Повидимому это итальянскій обычай. По-своему они очень горды, но ихъ гордость сильно отличается отъ нашей. Тѣмъ не

мнѣ я рада, что этотъ человѣкъ здѣсь, особенно, когда я слышу стуканье бильярдныхъ шаровъ и шумъ дождя за окномъ. Мы здѣсь ровно три недѣли. Я сказала объ этомъ Пьеро сегодня за завтракомъ. — «Боже! отвѣтилъ онъ, только три недѣли, мнѣ кажется, что три года». — Что касается меня, то я не знаю, что это одинъ день или цѣлая вѣчность. Ты понимаешь, что я хочу сказать? И я хочу, чтобы это казалось однимъ сномъ или цѣлой вѣчностью для него. Можетъ быть это въ самомъ дѣлѣ моя ошибка, что я привезла его въ этотъ домъ времянь королевы Анны, со старомодными слугами, окруженный лугами съ промокшими стогами сѣна. Но иногда солнце выходитъ, и тогда розы нахнутъ такъ вѣжно, и мокрая липы блестятъ на солнцѣ, и жаворонки поютъ наверху, и лѣсъ стоитъ такой зеленый и свѣжій. И все-таки мнѣ кажется, что это не нравится ему даже тогда. Для него здѣсь слишкомъ сыро, слишкомъ вѣтреко, слишкомъ туманно. Сегодня утромъ, когда я вдѣла ему въ петличку розу, онъ стряхнулъ съ нея капельки воды и сказалъ: — «Что за страна, въ каждомъ цвѣткѣ холодный думъ». Мѣсяцъ тому назадъ, если бы я вдѣла одуванчикъ ему въ петличку, онъ нашель бы, что одуванчикъ пахнетъ, какъ магнолія, и красивъ, какъ орхидея. Первые дни, когда мы сюда пріѣхали, онъ не обращалъ вниманія, идетъ дождь или вѣтъ, онъ хотѣлъ тогда только лежать у моихъ

погъ, въ самомъ прямомъ буквальномъ смыслѣ. Мы были всёми другъ для друга, какъ Амуръ и Психея. А теперь онъ играетъ на бильярдѣ съ Тоньелло, чтобы провести время, и вздыхаетъ о парижскихъ театрахъ. Моя ли это вина? Я мучаю себя тысячью самообвиненій. Неужели я въ самомъ дѣлѣ скучна, утомительна и черезчуръ требовательна? Неужели онъ уже разочаровался во мнѣ?

Отъ лэди Гвэндоленъ Чичестеръ, С.-Петербургъ, княгини ди Санъ-Зеноне, Кумбъ Байсетъ.

Нѣтъ, это не твоя вина, мой милый, дорогой осликъ. Это только естественный ходъ вещей. Мужчины всегда дѣлаются такими, когда женщины любятъ ихъ. Когда ихъ не любятъ, они ведутъ себя гораздо лучше. Это и есть, моя милая, то, что есть самаго неприятнаго въ любви. Мужчина всегда идетъ все тише и тише, пока не остановится совсемъ, въ то время какъ женщина все больше и больше набираетъ въ себя топлива и пара. Я беру любимую метафору папа. Ничто не можетъ быть вѣрнѣе. Очень печально, что это все такъ. Но вина здѣсь, мнѣ кажется, самой природы. Говоря между нами, я не думаю, чтобы природа когда нибудь имѣла въ виду бракъ, совершенно такъ же, какъ она не имѣла въ виду кринолиновъ, жемчужной пудры

или электрическаго свѣта. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что у природы на любовь совсѣмъ другіе взгляды, чѣмъ у людей. И она устроила ее, имѣя въ виду принципъ—*ты остаешься, я ухожу*. И это было бы прекрасно и восхитительно, если бы не было дѣтей и бѣдности. Именно поэтому анархисты и коммунисты уничтожаютъ бракъ, только уничтоживъ собственность. Одно вытекаетъ изъ другого точно такъ же, какъ, по словамъ милыхъ ученыхъ, лошадь выходитъ изъ птицы. Я никогда не могла понять, какъ это происходитъ, но тѣмъ не менѣе... Да, о чемъ я говорила? Я говорила о томъ, что твои жалобы по поводу охлажденія и ослабленія чувства Санъ-Зеноне совершенно неосновательны. Это совершенно естественный процессъ превращенія возлюбленнаго въ супруга. Бабочка начинаетъ ощущать булавку, приколовшую ее къ доскѣ. Это не твоя вина, моя милая дѣвочка, а вина всего свѣта. Такъ уже устроено, что бабочка попадаетъ на булавку и что это ей не нравится. Поэтому не безпокойся и не мучай себя, если бабочка будетъ немножко вертѣться. Это только то, что милые ученые называютъ рефлексомъ. И постарайся еще забыть въ свою миленькую головку, что мужчина можетъ любить тебя очень сильно и все-таки въ одномъ изъ уголковъ своего сердца вздыхать о парижскихъ театрахъ. Конечно, я понимаю, что это рѣзкое пробужденіе отъ золотыхъ сновъ гораздо тя-

желѣе для тебя, чѣмъ для многихъ другихъ, потому что ты начала съ такихъ страшныхъ высотъ. У тебя были Петрарка, и мандолина, и лунный свѣтъ, и всѣ любовные напитки, смѣшанные въ одинъ опьяняющій бокаль. Естественно поэтому, что у тебя больше разочарованія, чѣмъ если бы ты вышла замужь за обыкновеннаго эскуайра безъ всякихъ романтическихъ тенденцій. Нельзя подниматься близко къ небу безъ того, чтобы не падать стремительно внизъ, какъ бѣдныя аэронавты, когда у нихъ лопаются шары. Ты летала очень высоко и теперь ты опускаешься. Теперь, моя милая, все зависитъ отъ того, какъ ты опустишься на землю! Ты можешь подумать, что я чудовище, потому что я говорю такъ, но на самомъ дѣлѣ почти все въ твоихъ рукахъ. Ты не повѣришь, но это такъ. Если ты опустишься внизъ тактично и въ хорошемъ настроеніи, все будетъ прекрасно въ послѣдствіи. Но если ты покажешь свой порывъ, какъ мужчины говорятъ про лошадей, тогда твой шаръ окажется на землѣ разорваннымъ, смятымъ, бесполезнымъ, никогда уже больше не способнымъ подняться вверхъ. Говоря яснѣе, моя милая, ты не будешь особенно несчастна, если съ покорностью и терпѣніемъ перенесешь неприятное открытіе, что Санъ-Зеноне простой смертный. И тогда ты скоро привыкнешь къ тому. Но если ты будешь безпрерывно мучиться объ этомъ, ты не измѣ-

нишь его, но вы оба будете несчастны. Или
будетъ еще хуже, каждый изъ васъ найдетъ
утѣшеніе въ комънибудь другомъ. Я знаю
тебя такъ хорошо, моя бѣдная маленькая
Глэдисъ. Тебѣ нужно такое огромное количе-
ство симпатій и любви. Но ты не получишь
этого, мой дорогой ребенокъ. Я вполнѣ пони-
маю, что князь похожъ на картину и что
онъ на цѣлый мѣсяцъ превратилъ для тебя
жизнь въ фантастическую поэму. И неизбѣж-
ная реакція, которая слѣдуетъ за этимъ, ка-
жется тебѣ иррачной, какъ стоячая вода, и
жесточкой, какъ могила. Но въ этомъ нѣтъ ни-
чего новаго. Постарайся хорошенько усвоить
эту истину. И постарайся относиться къ ней
насколько можешь легче. Мужчины ненавидятъ
скучныхъ женщинъ. Сдѣлай видъ, что ты
тоже мечтаешь о парижскихъ театрахъ. При-
творишь, если ты на самомъ дѣлѣ не можешь
увлечься ими. Иначе онъ уйдетъ къ кому ни-
будь другому, кто будетъ интересоваться тѣмъ,
что его интересуешь. Почему дамъ полу-свѣта
часто предпочитаютъ намъ? Только потому,
что онѣ не даютъ скучать своимъ мужчинамъ.
Мужчина предпочтетъ, чтобы ему разбили объ
голову бокаль съ шампанскимъ, чѣмъ чтобы
передъ нимъ плакали въ теченіи пяти минутъ.
Мы не можемъ бросать бокала съ шампан-
скимъ въ головы мужчинамъ; намъ мѣшаютъ
предразсудки нашего воспитанія. И это огром-
ный недостатокъ. Мы очень много терпимъ

отъ того. И мы должны стараться поправить дѣло, дѣлаясь насколько возможно пріятными. Но все-таки мы всегда останемся далеко позади тѣхъ женщинъ. Кстати, въ одномъ изъ твоихъ первыхъ писемъ ты говоришь, что не понимаешь, вачѣмъ наша мать вышла замужъ. Я не особенно хорошо знакома съ до-историческими временами, чтобы сказать. Но я знаю, что она дѣлала съ тѣхъ поръ, какъ вышла замужъ. Она всегда самымъ благоразумнымъ и предусмотрительнымъ образомъ дѣлалась въ нужные моменты незамѣтной. Она никогда не спорила съ напѣ по поводу его рыболовныхъ экскурсій въ Норвегію и августовскихъ путешествій на яхтѣ, хотя она знала, что его средства едва ли позволяютъ это. Она никогда не мучила его собой или по поводу насъ. Она постоянно угощала его уѣзжать и забавляться. А когда она находилась съ нимъ вдвоемъ въ деревнѣ, она всегда заботилась о томъ, чтобы приглашались по очереди всѣ женщины, которыми онъ восхищается, и мужчины, которые его забавляютъ. Это все дѣлалось для того, чтобы ему никогда не было скучно. Я убѣждена, что она никогда не подумала о своихъ собственныхъ желаніяхъ и только изучала его желанія. Это именно значитъ быть умной и доброй женщиной. Но я боюсь, что такія женщины рѣдки, какъ голубя розы. Постарайся быть похожей на нее, моя милая. Она была такъ же молода, какъ

ты, когда вышла замужъ. Но тебѣ это очень трудно. Ты ужасная маленькая эгоистка. Тебѣ нужно запереть этого бѣднаго молодого человека съ одной тобой и заставить его находиться въ состояніи вѣчнаго обожанія тебя одной. Это то, что женщины называютъ любовью. Ты далеко не одна въ такомъ пониманіи этихъ вещей. Нѣкоторые мужчины подчиняются этимъ требованіямъ и всю остальную жизнь ведутъ себя, какъ хорошо дрессированные пойнтеры. Большинство бунтуетъ. И я увѣрена, что если бы я была мужчиной, я бы стала бунтовать. Я не думаю, чтобы ты могла жаловаться, если твой прекрасный Ромео возмутится. Я могу видѣть тебя отсюда съ твоимъ прелестнымъ серьезнымъ личикомъ, съ глазами, имѣющими такую фатальную склонность къ слезамъ, съ торжественными идеями относительно брака и обязанностей, которыя онъ налагаетъ; и я вижу, какъ ты постепенно дѣлаешь себя ненавистной твоему веселому Аполлону и въ душѣ искренно думаешь все это время, что ты дѣлаешь угодное небу и сохраняешь свое достоинство тѣмъ, что держишься такъ непріятно. Ну, теперь скажи, что ты очень сердисься на меня? Я думаю, что очень. Что касается меня, то я предпочла бы лучше имѣть невѣрнаго мужа, чѣмъ скучнаго. Перваго ты можешь мучить, а второй будетъ мучить тебя, а это во много разъ хуже.

*Отъ княгини дн Санъ-Зеноне, Кумбъ Бай-
сетъ—лэди Гвэндоленъ Чичестеръ, С.-Пе-
тербургъ.*

Дорогая Гвенъ, какъ это ты можешь рѣ-
шаться такъ увѣренно говорить о томъ, что
мама дѣлала, когда была молодой? По-моему,
она должна была страшно мучиться и возму-
щаться. Теперь она, конечно, уже привыкла
ко всему, — какъ большинство несчастливыхъ
женщинъ. Но если люди женятся и выходятъ
замужъ только для того, чтобы проводить
время съ другими, то какой же смыслъ у брака?
— Я сказала это Пьеро, и онъ очень
дерзко отвѣтилъ мнѣ: — «Да никакого смы-
сла и нѣтъ!—Только люди не знаютъ это за-
ранѣе!» Онъ послалъ еще за этими ужасными
французскими книгами, — Жанъ Ришпенъ, Гюи
де-Мопассанъ, — и цѣлые дни читаетъ ихъ, все
время, когда не спитъ. И очень часто онъ
засыпаетъ днемъ. Извиняется, когда я нахожу
его спящимъ, но сейчасъ же, извиняясь, зѣ-
ваетъ. Ты говоришь, я должна забавлять его.
Но какъ? Я не могу забавлять его. Онъ не
интересуется никакими англійскими новостями,
а его раздражаетъ, что я не могу говорить съ
нимъ по-итальянски. Онъ возмущается моимъ
французскимъ языкомъ. И все время тутъ
случаются разныя страшныя вещи. Въ де-
ревнѣ произошла ужасная сцена. Четыре че-
ловѣка изъ Кумба—два кузнеца, плотникъ и

подешикъ бросили Тоньелло въ прудъ, за то, что онъ укаживалъ за нихъ дѣвушками. Тоньелло, когда выкарабкался изъ пруда и выпутался изъ тины и водорослей, вытащилъ ножъ и двухъ изъ нихъ ранилъ довольно сильно. Конечно, его арестовали констебли, а раненыхъ повезли въ больницу. Судебные чиновники, прїѣхавшіе для слѣдствія, были взбѣшены и скандализованы. И точно такъ же Пьеро! — Особенно потому, что теперь ему не съ кѣмъ играть на бильярдѣ. Когда слѣдователь допрашивалъ его относительно Тоньелло, какъ, конечно, онъ обязанъ былъ сдѣлать, Пьеро пришелъ въ страшную ярость, потому что одинъ изъ чиновниковъ сказалъ, что это въ характерѣ трусливаго итальянца носить ножъ и пользоваться имъ. Пьеро буквально зашипѣлъ на торжественнаго стараго джентльмена, который сказалъ это. — «А ваши англичане, вскричалъ онъ, по-вашему, они очень храбры? Нападать вчетверою на одного? Или, по-вашему, лучше избить человѣка, какъ желе, или колотить женщину подкованными сапогами, какъ дѣлаютъ ваши англичане. Это по-вашему очень храбро? Онъ былъ одинъ противъ четверыхъ! На моей родинѣ на одной ночи не проходитъ безъ маленькаго столеновенія такого рода, но никто не обращаетъ вниманія. Ревнивымъ людямъ предоставляется драться между собой сколько они хотятъ, потому что въ концѣ-концовъ это всегда вина

женщины». — И онъ сказалъ еще нѣсколько вещей, которыхъ я не могу повторить; счастье еще, что старый джентльменъ ничего не понималъ изъ его быстрого и бѣшенаго французскаго языка. Но чиновники видѣли, что онъ взбѣшенъ, и это скандализовало ихъ, потому что, ты знаешь, англичане всегда думаютъ, что свой дурной характеръ нужно сохранять для употребленія въ семьѣ и не показывать при постороннихъ. Между тѣмъ Тоньелло, конечно, въ тюрьмѣ, и я боюсь, что его не выпустятъ подь залогъ, потому что кузнеца онъ ранилъ очень сильно. Адвокаты тети Керри дѣлаютъ для него все, что могутъ, чтобы доставить удовольствіе мнѣ, но я вижу, что въ душѣ они находятъ, что тратятъ время на разбойника, котораго слѣдовало бы повѣсить. — И подумать только, со слезами на глазахъ говорить Тоньелло, что «у насъ весь бы народъ былъ на моей сторонѣ. — Даже карабинеры и тѣ стояли бы за меня. А чтобы ударъ взялъ всѣхъ этихъ дураковъ; бабы мужья они, вотъ кто, — говоритъ онъ съ невыразимымъ презрѣніемъ; — дѣлаютъ шумъ изъ пустяковъ!» Пьеро утѣшаетъ его, даетъ ему папирсъ и, когда онъ уходитъ, Тоньелло рыдаетъ и рветъ свой матрасъ. Я думала, что Пьеро не захочетъ оставлять бѣднаго малаго одного въ тюрьмѣ, и предполагала, что онъ пока оставитъ идею уѣзжать отсюда. Я уже начала говорить себѣ, что не бываетъ худа безъ добра, но сегодня

за завтракомъ Пьеро сказалъ:—«знаешь, милая, было плохо съ Тоньелло, но безъ него, скажу тебѣ откровенно, я больше не могу выдержать это. Съ Тоньелло все-таки можно было пошлѣваться и забыться немножко. Но теперь, моя душа, если ты не хочешь, чтобы я убилъ когонибудь и чтобы ваши достойные законодатели посадили меня рядомъ съ Тоньелло, ты должна разрѣшить мнѣ поѣхать въ Трувилль».—«Одному!» вскричала я, и я думаю, что онъ именно это хотѣлъ сказать и только ужасъ въ моемъ голосѣ помѣшалъ ему признаться въ этомъ. Онъ вздохнулъ и всталъ изъ-за стола.—«Нѣтъ, я думаю, я теперь уже никогда больше не буду одинъ», сказалъ онъ нетерпѣливо.—«Если бы только мужчины знали, что они дѣлаютъ, когда женятся,—*насъ бы никогда не взяли.* Нѣтъ, нѣтъ, конечно, я хочу только, чтобы ты согласилась уѣхать со мной куда-нибудь изъ этого невыносимаго мѣста, гдѣ нѣтъ ничего, кромѣ тумана и зеленыхъ листьевъ. Поѣдемъ для начала въ Парижъ. Тамъ теперь нѣтъ ни души, и большая часть театровъ закрыта. Но тамъ всегда восхитительно, а потомъ черезъ недѣльку, другую отправимся въ Трувилль, тамъ теперь всѣ».—Я ничего не могла отвѣтить ему, изъ-за слезъ. Можетъ быть, это было къ лучшему, потому что иначе я сказала бы ему чтонибудь злое, что раздѣлило бы насъ навсегда. И тогда, что бы подумали о насъ люди?

Отъ лэди Гвэндоленъ Чичестеръ, С.-Петербургъ, княгини ди Санъ-Зеноне, Кумбъ Байсетъ.

Моя бѣдная милочка. Неужели тебя въ самомъ дѣлѣ начинаетъ дѣлать несчастной то, что могутъ подумать люди? Если такъ, то дни твоей радости, дѣйствительно, сочтены. Если бы я писала тебѣ еще пятьдесятъ разъ, я только могла бы повторить то, что я уже говорила. Ты дѣйствуешь неблагоприятно и дѣлаешь какъ разъ то, чего не слѣдуетъ дѣлать. *Или мужъ или жена непременно дѣлаютъ, что безъ него или безъ нея другой не можетъ жить, — а другой думаетъ какъ разъ наоборотъ.* Въ результатѣ никогда не получается мира. Этотъ веселый, очаровательный и прекрасный сынъ Рима сталъ для тебя цѣлымъ міромъ. Но ни одной минуты ты не должна думать, что ты стала для него цѣлымъ міромъ. Нѣтъ никакого основанія, нѣтъ прямо въ природѣ, чтобы это стало такъ. Если бы у тебя былъ умъ, тактъ и нужная терпимость, ты могла бы стать его другомъ и совѣтникомъ, но я думаю, что у тебя недостаетъ требуемыхъ для этого качествъ. Ты мучаешься, ты плачешь, ты ничего не хочешь знать о мужскомъ темпераментѣ. «Я вижу змѣй», какъ говорятъ американцы. А у тебя никогда не хватитъ хладно-

кровя и осторожности, чтобы взять змѣю безъ опасности, еще меньше шансовъ, что тебѣ удастся убить ее.

Вотъ тебѣ совѣтъ разъ навсегда, моя милая. Поѣзжай весело въ Парижъ въ Трувилъ и въ другія веселыя мѣста. Дѣлай видъ, что веселишься, если даже тебѣ не весело, и постарайся запомнить, что любовь нельзя ни оживить, ни удержать жалобами и принужденіемъ. Мертвый человѣкъ не просынается, сколько надъ нимъ ни плакать. Это уже не человѣкъ, а трупъ. Что касается меня, я совершенно не понимаю, какъ ты могла ожидать, чтобы молодой итальянецъ со всѣми привычками большого свѣта и съ неостывшей памятью холостой жизни былъ бы веселъ и доволенъ въ сырой юнь въ уединенномъ англійскомъ помѣстьѣ, гдѣ ему не на кого смотрѣть, кромѣ какъ на тебя. Повѣрь мнѣ, мое дорогое дитя, что только чрезмѣрное тщеславіе женщины заставляетъ ее воображать, что ея одной достаточно для ея супруга. Это одно тщеславіе. Чѣмъ умнѣе женщина, тѣмъ полнѣе она сознаетъ свою собственную недостаточность для забавы мужчины, и тѣмъ сильнѣе она заботится (если она благоразумна), чтобы это обстоятельство не особенно бросалось ему въ глаза. Если же ты запрешь человѣка съ собой въ деревенскомъ домѣ, когда кругомъ непрерывно идетъ дождь, какъ въ поэмѣ Лентфелло ты очень сильно выдвинешь впередъ этотъ фактъ своей собствен-

ной недостаточности. Если бы ты не была его женой, ты не надо́бла бы ему; и можетъ быть даже онъ самъ сталъ бы предпочитать сѣрое небо синему. Но ты его жена! И ты не понимаешь, какая это огромная разница для мужчины. Пиши мнѣ все о себѣ. Я буду беспокоиться. Я ужасно боюсь, моя милая сестричка, что ты до сего времени воображаешь, что любовь—это только лунный свѣтъ и поцѣлун, и забываешь, что на небѣ бываютъ тучи, а на землѣ ссора. Спаси тебя небо и отъ того, и отъ другого.

Р. S. Помни, что любовь требуетъ такого же осторожнаго обращенія съ собой, какъ паутина. Если грубое прикосновеніе разорветъ паутину, всѣ художники на свѣтѣ не починаютъ ее. Эта истина какъ разъ для тебя. Если ты воспрепятствуешь тому, чтобы онъ теперь поѣхалъ въ Парижъ, черезъ полгода онъ уѣдетъ туда безъ тебя. Возможно, что въ Ланчьяно онъ чувствовалъ бы себя лучше, чѣмъ въ Кумбѣ. Вкругомъ него тамъ были бы свои, но я думаю, что онъ и тамъ бы тосковалъ о парижскихъ «маленькихъ театрахъ». Ты дѣйствуешь неблагоприятно, моя сѣдняжечка. Ты должна бы была заставить его почувствовать, что ты вмѣстѣ съ нимъ раздѣляешь всѣ его удовольствія, а не то, что ты и его удовольствія враждебны другъ другу. Но я чувствую, что бесполезно стараться учить тебя благоразумію. Ты очень молода и очень влюблена. На всѣ

естественныя развлеченія, къ которымъ онъ имѣеть склонность, ты смотришь, какъ на соперниковъ. Можетъ быть, они дѣйствительно соперники. Но мы не побѣждаемъ соперниковъ тѣмъ, что бранимъ ихъ. Дѣйствительно умный способъ дѣйствія заключается въ томъ, чтобы молчаливо показывать, что мы лучше и привлекательнѣе ихъ. А если мы не можемъ это сдѣлать, то сколько бы мы ни кисли и не вздыхали, мы будемъ побѣждены. Можетъ быть, тебѣ не нравятся мои проповѣди и, можетъ быть, ты бросишь письмо въ огонь, не читая. Но я все-таки скажу еще. Дорогая, ты влюблена въ любовь. Но ты должна помнить, что подъ любовью находится реальный человѣкъ, а реальные люди далеко не идеальныя существа. А тебѣ приходится брать въ соображеніе реального человѣка и имѣть дѣло съ его вкусами и настроеніями. Если реальный человѣкъ будетъ доволенъ, любовь тоже будетъ довольна; но если человѣку наскучитъ, любовь улетитъ. Если бы ты была умна, моя милая, ты бы уже давно восхищалась Парижемъ и стреми- лась туда. Онъ любитъ тебя нисколько не меньше оттого, что хочетъ быть «въ движеніи», слышать, что говорятъ люди, и курить свою сигару среди своихъ знакомыхъ.]

*Отъ герцогини дель Аквила Фумва, Отель
Черныхъ Скалъ, Трувилль, Франція, князю
ди Санъ-Зеноне, Кумбъ Байсетъ.*

Бѣдный цвѣточекъ въ коробочкѣ съ мокрымъ
ножомъ, что стало съ вами?

Можетъ быть вы уже завяли и васъ засушили
и положили въ гербарій. Я думаю, что ваша
жена не отказалась бы это сдѣлать. Тогда она,
по крайней мѣрѣ, могла бы быть увѣрена, что
вы не попадете ни въ чей чужой букетъ. На-
прасно стараюсь я представить себѣ васъ въ
этой «совершенно приличной» обстановкѣ. Вѣ-
роятно, вы страшно измѣнились. Есть фран-
цузская пословица, которая говоритъ, что годы
радости считаются вдвойнѣ. Но въ такомъ
случаѣ дни скуки непремѣнно должны счи-
таться за годы, и мы должны сдѣлать отъ нихъ
прежде, чѣмъ намъ исполнится двадцать пять
лѣтъ. Но знаете, я не могу жалѣть васъ.
Вамъ захотѣлось жениться на англичанкѣ, по-
тому что у нея былъ милый видъ съ чашкой
чая. Я сказала вамъ заранѣе, что вы будете
несчастливы съ ней, особенно, если запретесь
въ деревнѣ. Эпизодъ съ Тоньелло восхитите-
ленъ. Что за народъ! запираетъ его въ тюрьму
за такіе пустяки! вамъ не слѣдовало брать
его, съ его блестящими глазами и съ его ман-
диной въ эту сѣрую страну. Что же они
теперь сдѣлаютъ съ нимъ? И что вы будете

дѣлать безъ него? Погода здѣсь прекрасная. Я танцую каждый вечеръ, и мы играемъ въ баккара и въ рулетку. Очень весело. Часто вспоминаемъ васъ. Почему бы вамъ не пріѣхать сюда?

Отъ князя ди Санъ-Зеноне, Кумбъ Байсетъ, герцогиня дель'Аквила Фульва, Трувилль.

Моя милѣйшая. Въ концѣ концовъ мнѣ пришлось заявить, что если я не выйду изъ этой водянистой атмосферы, то погибну просто отъ скуки и отъ бездѣйствія. Эффектъ получился такой, что на одну секунду я надѣялся, что она рассердится и мы поссоримся. Это такъ бы освѣжило атмосферу! Но нѣтъ. Одно мгновеніе она смотрѣла на меня съ невыразимымъ упрекомъ, потомъ ея глаза наполнились слезами, и она вышла изъ комнаты. Я чувствую себя, какъ пуля, понававшая въ мягкую перину и мгновенно потерявшая всю свою силу. Отсюда вижу Трувилль и Казино. Но это далеко, какъ на лунѣ. Что могутъ сдѣлать со мной, если я пріѣду туда одинъ? Я не имѣю ни малѣйшаго представленія, но мнѣ представляется что-то странное. Здѣсь запираютъ силой рестораны и танцевальные залы. Вообще въ этой странѣ вѣрятъ въ добродѣтель производимую парламентскимъ актомъ. Меня эта налагаемая на-

сильно добродѣтель такъ возмущаетъ, что скоро я закушу удила и понесу. Но не выводите изъ всего этого неправильныхъ заключеній, моя милая Терезина, я очень люблю свою жену. Она мила, проста, женственна. Въ ней нѣтъ никакого тщеславія, она безкопечно выше меня нравственно и можетъ быть умственно. Но она всегда одинакова. Ее шокируетъ почти все, что скольконибудь естественно или забавно. Она считаетъ меня недостаточно мужчиной, потому что я не люблю дождя. А сама она застегиваетъ на себѣ сверху до низу ужасный прямой ватерпруфъ и ходитъ подъ потокомъ. Она краснѣетъ, когда я показываю ей что-нибудь въ Фигаро, и уходитъ изъ комнаты, когда я заговариваю о Трувиллѣ. Что мнѣ дѣлать съ такой женщиной? Можетъ быть, если бы меня не заперли съ ней подъ этимъ дождемъ, на цѣлый мѣсяць, я не открылъ бы ея монотонности и продолжалъ бы оставаться очарованнымъ ея видомъ святой. Но теперь я зѣваю такъ, что рискую вывихнуть челюсть. Она уже считаетъ меня язычникомъ и скоро будетъ считать звѣремъ. Но я ни то, ни другое. Я просто хочу вылетѣть на свободу, какъ птица изъ клѣтки. Это старое сравненіе, но очень вѣрное.

Отъ герцогини дель'Аквила Фульва, Трувилль—князю ди Санъ-Зеноне, Кумбъ Байсетъ.

Мой Пьеро,

Въ бракѣ мужчина всегда стремится вылетѣть изъ клѣтки, а женщина не пускаетъ его и увѣряетъ, что нѣтъ ничего на свѣтѣ восхитительнѣе той жердочки, на которой сидитъ она.

Приѣзжайте сюда!

Отъ княгини ди Санъ-Зеноне, Кумбъ Байсетъ—лэди Гвэндоленъ Чичестеръ, С.-Петербургъ.

О, моя дорогая Гвень,

Это все-таки ужасно, и я совершенно измучена. Не могу даже сказать тебѣ, что я чувствую. Онъ рѣшилъ окончательно ѣхать въ Парижъ и потомъ въ Трувилль, а какъ разъ сейчасъ наступила чудная погода. За эту недѣлю только три раза шелъ дождь, и все кругомъ покрыто розами. А въ Парижѣ мы останемся въ отелѣ Виндзоръ, будемъ обѣдать

въ ресторанахъ, ѣздить въ театры, онъ будетъ въ клубахъ. Мы будемъ совершенно, какъ всѣ, какъ всѣ женатые люди! Возить свое счастье по отелямъ, мнѣ это кажется ужаснымъ. И всѣ хорошенькія женщины будутъ флиртовать съ нимъ. Если бы онъ хотѣлъ ѣхать въ Италію, я не сказала бы ни слова. Я даже сама хочу видѣть его родственниковъ, его дворцы, великолѣпные сады, съ ихъ статуями и кипарисовыми рощами, съ храмами временъ Августа, со свѣтящимися жучками, съ магноліями и съ поющими поселянами. Но онъ не хочетъ ѣхать туда. Онъ говоритъ, что тамъ скучно. Ему вездѣ скучно. Онъ любитъ только такія мѣста, гдѣ есть народъ. Онъ говоритъ, что здѣсь онъ чувствуетъ себя точно въ корзинкѣ съ сырыми листьями, что единственный человѣкъ, котораго онъ видѣлъ здѣсь, это священникъ, который носить очки, жуеетъ слова и читаетъ ему лекціи противъ папы. Онъ наговорилъ мнѣ еще очень много вещей и теперь, когда я пишу все это, оно не кажется такъ страшнымъ. Но когда онъ говорилъ это, было ужасно. Какъ при свѣтѣ молніи, вдругъ видишь темный садъ, я вдругъ увидала, какъ возмущался онъ здѣсь всѣмъ, когда я считала его такъ счастливымъ.

Отъ лэди Гвэндоленъ Чичестеръ, С.-Петербургъ,—княгини ди Санъ-Зеноне, Кумбъ Байсетъ.

Мужчины очень часто возмущаются, моя милая, если у нихъ есть сколько-нибудь мозга. Только самые глупые не возмущаются.

Отъ княгини ди Санъ-Зеноне,—лэди Гвэндоленъ Чичестеръ.

Если бы я повѣрила тому, что ты говоришь въ своемъ циническомъ письмѣ, я завтра же бы оставила его и никогда не согласилась бы испытывать всѣ эти разочарованія и оскорбленія.

Отъ лэди Гвэндоленъ Чичестеръ—княгини ди Санъ-Зеноне.

Гдѣ же твои принципы? Гдѣ же твое понятіе о долгѣ? Моя милая дѣвочка, разъ ты вышла за него замужъ, ты уже должна терпѣть его, какой онъ есть. Браки продолжа-

лись бы не больше двухъ дней, если бы жена ухотнла, потому что мужчины зѣваютъ. Мужчины всегда зѣваютъ. До сихъ поръ всё преступленія Санъ-Зеноне сводятся къ одному легко извинимому факту, что, какъ итальянецъ, онъ не особенно восхищенъ чарами буколической Англии въ дождливую погоду, и что, какъ молодой человекъ, онъ стремится въ Парижъ. Ни то, ни другое, по-моему, не является большимъ грѣхомъ. Поѣзжай съ нимъ въ Парижъ и постарайся веселиться. Я согласна, что, можетъ быть, всё парижскія развлеченія покажутся тебѣ очень скучными. Но что же дѣлать? Мнѣ приходится гораздо хуже. Мнѣ нужно сейчасъ одѣваться и ѣхать на скучнѣйшій придворный обѣдъ, который будетъ длиться четыре часа. И это только потому, что Джорджу нужно дѣлать карьеру. А ты возмущаешься тѣмъ, что тебѣ придется кататься по Булонскому лѣсу и обѣдать съ твоимъ Ромео на бульварахъ.

Отъ мамыни дн Санъ-Зеноне, Кумбъ Байсетъ—леди Гвэндоленъ Чичестеръ, С.-Петербургъ.

Завтра мы выѣзжаемъ въ Парижъ и потомъ въ Трувилль. Я уступила, потому что ты и мама находите, что это мой долгъ. Но моя

жизнь кончена. Я скажу—прости счастье, когда ворота Кужба затворятся за мной. Съ этихъ поръ мы будемъ, какъ всѣ. Но ты больше не можешь упрекать меня въ эгоизмъ, и онъ тоже не можетъ. Въ Трувиллѣ находится его большая пріятельница, герцогиня дель Аквила Фульва. Она пишетъ ему очень часто, и онъ никогда не показалъ мнѣ ни одного ея письма. Я думаю, что выборъ Трувилля, это ея дѣло. Пиши мнѣ въ Парижъ.

Отъ лэди Гвэндоленъ Чичестеръ, С.-Петербургъ,—княгини ди Санъ-Зеноне, Парижъ, отель Виндзоръ.

Мой бѣдный ребенокъ, неужели чудовище съ зелеными глазами уже покорило твою душу только потому, что онъ не показываетъ тебѣ своихъ писемъ. Но, моя милая, ни одинъ человекъ, если онъ не рожденный негодяй, не будетъ показывать своей женѣ писемъ другой женщины. Я очень рада, что ты ѣдешь. Но если все послѣдующее ты будешь дѣлать, только какъ долгъ, я боюсь, что въ результатѣ будетъ мало свѣтлаго. Долгъ это *очень* непріятная вещь. Если ты поѣдешь въ Трувилль, какъ мученица, ты дашь этой герцогинѣ, если она, дѣйствительно, стремится къ этому, огромное преимущество надъ собой. Если ты намѣ-

реваешься быть мрачной, молчаливой и неприятной, то не брани его, если онъ много времени будетъ проводить въ Казино со своими друзьями или съ кѣмъ-нибудь еще.

Отъ лэди Мэри Брутонъ, отель Черныхъ Скалъ Трувилль—миссисъ д'Арси, Британское посольство, Берлинъ.

15 июля.

...Среди вновь прибывшихъ находятся супруги Санъ-Зеноне. Помнишь, я писала тебѣ объ ихъ свадьбѣ шесть недѣль тому назадъ. Это была самая интересная свадьба въ сезонѣ. Они были необыкновенно влюблены другъ въ друга. Но этотъ глупый мѣсяцъ въ деревнѣ сдѣлалъ свое дѣло. Да еще вдобавокъ въ дождливый июнь! Она попрежнему очень красива и очень мила, но у нея раздраженный и скучный видъ. Супругъ ея, наоборотъ, веселъ, какъ жаворонокъ, вырвавшійся изъ клѣтки. Здѣсь находится его большая пріятельница, герцогиня делль'Аквила Фульва. Она очень весела, всегда прекрасно одѣта и съ утра до вечера болтаетъ го-итальянски или по-французски. Она центръ для всѣхъ глазъ на морскомъ берегу, когда идетъ купаться въ своемъ

розовыхъ костюмѣ, закутанная въ оранжевый съ золотомъ восточный бурнусъ. У нея чудный цвѣтъ лица, к она можетъ одѣваться въ такіе цвѣта, которые прямо убьютъ всякую другую женщину. Она очень высокаго роста, великолѣпно сложена и необыкновенно граціозна. Прошлымъ вечеромъ ео уговорили протанцовать *сальтерелло* съ Санъ-Зеноне, и это было восхитительное зрѣлище. И онъ и она удивительно красивы и владываютъ въ этотъ танецъ столько воодушевленія. А бѣдная княгиня сидѣла такая же красивая и грустная, какъ подсиѣжникъ подъ дождемъ. У нея былъ ужасно печальный видъ. Бѣдная, глупенькая, точно ей это поижжетъ! Нѣсколько дней тому назадъ, сюда на своей яхтѣ прибылъ лордъ Хэмпшайръ. Онъ тоже присутствовалъ на *сальтерелло*. И послѣ я видѣла его въ саду съ обиженой и оскорбленной княгиней. Онъ сидѣлъ рядомъ съ ней, при лунномъ свѣтѣ, и вѣроятно предлагалъ ей свою симпатію и утѣшеніе. Это очень тяжелый на видъ молодой человекъ, но необыкновенно сердечный и добродушный. Вотъ онъ, дѣйствительно, почувствовалъ бы себя въ раю въ дождливый іюнь въ Куибъ Байсетѣ. Но она отказала ему тогда, маленькая дурочка! Я была тогда ужасно сердита на нее. Она сдѣлала по-своему и теперь она видитъ, что это вышло не очень удачно. Сегодня утромъ я встрѣтила ее съ отвергнутымъ поклонникомъ. Они ѣхали верхомъ по

направленію къ Виллервиллю, а прекрасный князь плескался въ это время въ водѣ со своей венеціанской пріятельницей. Я вижу впереди много возможныхъ осложнений. Это все вина дождливаго іюня.

